

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой

(ПОВЕСТЬ ИЗ ВРЕМЕН ДРЕВНИХ ХРИСТИАН.)

33. Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградою, выкопал в нем точило, построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился.

34. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям, взять свои плоды.

35. Виноградари, схвативши слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями.

36. Опять послал он других слуг, больше прежнего: и с ними поступили так же.

37. Наконец послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего.

38. Но виноградари, увидевши сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его.

39. И схвативши его, вывели вон из виноградника и убили.

40. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями?

41. Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои.

(Матф. XXI, 33–41).

I.

Было это в царствование римского императора Траяна, 100 лет после Рождества Христова. Было это в то время, когда живы еще были ученики учеников Христовых, и христиане твердо держали закон Учителя, как сказано в Деяниях: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа: и никто ничего из имения своего не называл своим; но все у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». (Деяния, гл. IV, от. 32–35.)

Жил в эти первые времена в стране Киликийской, в городе Тарсе, богатый купец, сириянин, торговец драгоценными каменьями, Ювеналий. Вышел он из простых и бедных людей, но трудом и искусством в своем деле нажил богатство и уважение своих сограждан. Ездил он много по разным землям и, хотя не был учен, многое узнал и понял, и городские люди уважали его за его ум и справедливость. Веры он держался той римской, языческой, которой держались все уважаемые люди римской империи – той веры, исполнение обрядов которой стали строго требовать со времен Августа императора и которую твердо соблюдал и теперешний император Траян.

Киликийская страна далека от Рима, но управлялась римским начальником, и все, что делалось в Риме, отзывалось и в Киликии, и управители подражали своим императором.

Ювеналий помнил в детстве еще рассказы про то, что делал Нерон в Риме, видел потом, как гибли императоры один за другим, и, как умный человек, он понимал, что во власти императорской и в религии римской ничего не было священного, но что все это было дело рук человеческих. Но вместе с тем, как умный человек, он понимал и то, что противиться этой власти было не выгодно и что для своего спокойствия надо было подчиняться установленному порядку. Но, несмотря на то, безумие всей окружающей жизни, особенно того, что происходило в Риме, где он бывал по своим делам, часто смущало его. Были у него сомнения, он не мог обнять всего и относил это к своей необразованности. Он был женат, и детей у него было четверо, но трое умерли в молодых летах, остался один, по имени Юлий.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

На этого-то Юлия Ювеналий положил всю свою любовь и все свои заботы. В особенности хотелось Ювеналию так воспитать Юлия, чтобы он не мучался теми сомнениями о жизни, которые смущали его самого.

Когда Юлию минуло 15 лет, отец отдал его в учение к поселившемуся в их городе философу,¹ принимавшему к себе юношей в обучение. Отец отдал его философу вместе с товарищем его, Памфилием, сыном умершего вольноотпущенного Ювеналия. Юноши были ровесники, оба красавцы и друзья.

Юноши учились оба прилежно. Оба были нрава хорошего. Юлий отличался более в изучении поэтов и математики, Памфилий же в изучении философов.

За год до окончания их учения Памфилий, придя в школу, объявил учителю, что мать его, вдова, уходит с друзьями в небольшой городок Дарну, и что он должен идти с матерью, чтобы помочь ей, и потому должен оставить учение.

Жалел учитель о потере ученика, делавшего ему честь; жалел Ювеналий, но больше всех жалел Юлий. На все увершания оставаться и продолжать учение Памфилий остался непреклонен и, поблагодарив своих друзей за любовь к нему и заботы: о нем, расстался с ними.

Прошло два года. Юлий окончил учение и за всё это время ни разу не видел своего друга. Однажды он встретил его на улице, зазвал к себе в дом и стал расспрашивать о том, как и где он живет. Памфилий рассказал ему, что он с матерью живет всё там же.

- Живем мы, – говорил он, – не одни, но с нами много друзей, с которыми у нас всё общее.
- Как общее? – спросил Юлий.
- Так, что никто из нас ничего не считает своим.
- Зачем же вы это делаете?
- Мы христиане, – сказал Памфилий.
- Неужели! – воскликнул Юлий.

Христианином быть в то время было то же, что в наше время заговорщиком. Как только кого обличали в христианстве, так тотчас его сажали в тюрьму, судили, и если он не отрекался, то казнили. Это-то ужаснуло Юлия. Он слышал всякие ужасы про христиан.

- А как же мне говорили, что христиане убивают детей и едят их? Неужели и тыучаствуешь в этом?
- Приди и посмотри, – отвечал Памфилий. – Мы ничего не делаем особенного, мы просто живем, стараясь не делать дурного.
- Но как же можно жить, ничего не считая своим?
- Мы кормимся. Если мы отдаем братьям наши труды, то они отдают нам свои.
- Ну, а если братья берут труды ваши, а не отдают их, тогда как же? – спросил Юлий.
- Таких нет, – сказал Памфилий. – Такие люди любят жить роскошно, не придут к нам, а жизнь у нас простая и не роскошная.
- Да мало ли ленивцев, которые рады будут тому, чтобы их даром кормили.
- Есть и такие, и мы охотно принимаем их. Недавно пришел один такой, бежавший раб. Сначала он, правда, ленился и жил дурно, но скоро изменил свою жизнь и теперь стал хорошим братом.
- Но если бы он не исправился?

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyeo.ru

- Есть и такие. Старец Кирилл говорит, что с такими-то и надо поступать, как с самыми дорогими братьями и еще больше любить их.
- Разве можно любить негодяев?
- Нельзя не любить человека.
- Но как же вы можете давать всем то, чего они просят? – спросил Юлий. – Если бы мой отец давал всем, кто просит, у него очень скоро ничего бы не осталось.
- Не знаю, – отвечал Памфилий, – у нас остается на нужду. И если и случится, что нечего есть или нечем прикрыться, так мы у других просим, и нам дают. Да редко случается. Мне только раз и случилось лечь спать без ужина. Да и то оттого, что устал я очень и не хотелось идти к брату просить.
- Не знаю, как вы делаете, – сказал Юлий, – только, как отец говорит, если свое не беречь, да если еще давать всем, кто просит, так сам с голоду умрешь.
- Мы не умираем. Приди, посмотри. Мы живем и не только не нуждаемся, но даже много лишнего у нас.
- Да как же это так?
- А вот отчего. Исповедуем мы все один закон, но силы исполнения закона у всех разные: у одного больше, у другого меньше. Один усовершенствовался уже в доброй жизни, другой только начинает ее. Впереди всех нас стоит Христос с своей жизнью, и мы все стараемся подражать Ему и в одном видим наше благо. Одни из нас, как старец Кирилл и жена Пелагея, стоят впереди нас, другие сзади, третьи еще сзади, но все идут по одному пути.

Передовые уже близки к закону Христа – отречения от себя и погубили свою душу, чтобы приобрести ее. Этим ничего не нужно. Эти себя не жалеют и всё последнее по Христову закону отдают просящему. Другие есть послабее, такие, которые не могут всё отдать: ослабевают и еще жалеют сами себя. Ослабевают без привычной одежды и пищи, и не всё отдают.

Есть еще слабее, те, которые только недавно вступили на путь. Эти живут еще по-старому, удерживают много для себя, и отдают только лишнее. И эти-то задние приходят на помощь передним.

Кроме того, все мы перепутаны родством с язычниками. У одного отец язычник, держит имение и дает сыну. Сын дает просящим, но отец опять дает. У другого мать язычница, жалеет сына и помогает ему. У третьего дети язычники, а мать христианка и дети покоят мать, дают ей и просят не раздавать, а она из любви к ним принимает и всё-таки отдает другим. У четвертого жена язычница, а муж христианин. У пятого муж язычник, жена христианка.

Так перепутаны все, и передние рады бы отдать последнее, да не могут.

Этим-то и поддерживаются слабые в вере, и от этого-то набирается у нас много лишнего.

На это сказал Юлий:

- Да если так, то вы, значит, отступаете от учения Христа, и только вид делаете. А если вы не всё отдаете, то и нет между нами и вами разницы. По мне, если уж быть христианином, так исполнять всё. Отдать всё, и остаться нищим.
- А это лучше всего, – сказал Памфилий. – И сделай так.
- Да, я сделаю, когда увижу, что вы делаете.
- Мы ничего показывать не хотим. И тебе не советую идти к нам и выходить из своей жизни для показу. Делаем мы то, что делаем, не для показу, а по вере нашей.
- Что значит по вере?

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyeo.ru

- А по вере значит то, что мы верим, что спасенье от зол мира, от смерти только в жизни по учению Христа. И для нас всё равно, что скажут про нас люди. Мы делаем не для людей, а потому что только в этом мы видим жизнь и благо.
- Нельзя не жить для себя, - сказал Юлий. - Боги сами вложили в нас то, что мы любим себя больше других и ищем себе радостей. И вы то же самое делаете. Ты сам говоришь, что и из ваших есть, которые себя жалеют. Они будут больше и больше себе готовить радостей, и всё больше будут бросать вашу веру, и будут то же делать, что и мы.

- Нет, - отвечал Памфилий, - наши идут по другому пути и никогда не слабеют, а всё сильнеют, как огонь никогда не потухнет, когда на него подкладывают дрова. В этом-то и вера.

- Не пойму я, в чем эта вера?

- Вера наша в том, что мы понимаем жизнь так, как объяснил нам ее Христос.

- Как же?

- Христос сказал такую притчу:

Жили виноградари в чужом саду и должны были платить оброк хозяину. Это мы, люди, живем в мире и должны платить оброк Богу, исполнять Его волю. А люди по мирской вере подумали, что сад ихний, что им за него платить нечего, а только и дела, что пользоваться плодами его. Прислал к людям хозяин посланного, чтобы получить оброк, а они выгнали его; прислал своего сына за оброком, а они убили его, думая, что после этого никто уже им не помешает. - Вот эта мирская вера, по которой живут все люди мира, не признающие того, что жизнь дана для того, чтобы служить Богу. Христос же научил нас тому, что мирская вера о том, что человеку будет лучше, если он прогонит из сада посланного и сына хозяина и не даст оброка; что эта вера ложная, потому что не миновать либо дать оброк, либо быть выгнанным из сада. Он научил нас тому, что те радости, которые мы называем радостями: еда, питье, веселье - не могут быть радостями, если в них полагается жизнь; что они радости только тогда, когда мы ищем другого: исполнения воли Бога, что только тогда эти радости, как награда настоящая, следуют за исполнением воли Бога. Хотеть брать радости без труда исполнения воли Бога, отрывать одни радости от труда, это всё равно, что разрывать стебли цветов и рассаживать их без кореньев. Мы верим в это, и потому не можем искать обмана вместо правды. Вера наша в том, что благо жизни не в ее радостях, а в исполнении воли Бога без мысли о радостях и надежды на них. И мы живем так, и что дальше живем, то больше видим, что радости и благо, как колесо за оглоблями, идет по пятам за исполнением воли Бога. Учитель наш сказал: «Приидите все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Так говорил Памфилий; Юлий слушал его и сердце его трогалось, но ему было не ясно то, что говорил Памфилий; ему то казалось, что Памфилий обманывает его, то, когда он глядел в добрые глаза своего друга и вспоминал его доброту, ему казалось, что Памфилий сам обманывает себя.

Памфилий приглашал Юлия приехать к ним, чтобы посмотреть на их жизнь и, если она ему понравится, остаться жить с ними. И Юлий обещал.

Юлий обещал, но не поехал к Памфилю. И, увлекшись своею жизнью, забыл о нем.

Он как будто боялся того, чтоб жизнь их не привлекла его к себе. Он представляя себе жизнь христиан такою, при которой необходимо отречься от всех радостей жизни, а он не мог отречься от них, потому что в них полагал жизнь. Он осуждал христиан и дорожил этим осуждением, боялся перестать осуждать их и потому искал случая находить в них дурное.

Когда бы, где бы он ни встречал христиан в городе, он тотчас находил в них предлог для осуждения. Когда он видел их на торгу, продающих плоды и овощи, он говорил себе, а иногда и им: вот вы говорите, что не имеете ничего своего, а вот продаете за деньги, а не отдаете даром всякому, кто хочет взять. Вы обманываете

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru себя и нас, говорил он, и не хотел входить в рассуждения с ними, почему они считали нужным и справедливым продавать на торгу, а не отдавать даром.

Когда он встречал христианина в хорошей одежде, он упрекал его за то, что он еще не отдал ее. Ему нужно было, чтобы христиане были виноваты, а так как они никогда не отрицали своей вины, то они и были виноваты в его глазах. В его глазах они были притворщики, обманщики, которые говорили, но не делали. Он говорил: я по крайней мере, что говорю, то и делаю, а вы говорите одно, а делаете другое. И когда он уверял себя в этом, он был покойен и оставался жить попрежнему.

II.

Нрава Юлий был доброго, но по обычаю богатых, молодых людей, он имел рабов и нередко жестоко наказывал их, когда они не исполняли его приказаний, или когда он бывал не в духе. Он имел много дорогих, ненужных вещей и одежд, и приобретал еще больше таких; любил театры и зрелища; и уж с молодых лет имел любовниц и предавался в обществе своих друзей объядению и пьянству.

Жизнь его, казалось ему, шла весело, потому что он не видал своей жизни – вся она проходила в забавах, так что некогда было и подумать о ней.

Так ушло два года. И Юлий думал, что он проживет так всю жизнь. Но это было невозможно. В такой жизни, какую вел Юлий, все надо усиливать забавы для того, чтобы было все одинаково весело. Если ему сперва весело выпить чашу своего вина с приятелем, то после повторения такого же удовольствия несколько раз, нужно было выпить уже две чаши вина и более хорошего качества, чтобы было так же весело. Если сперва весело побеседовать с приятелем, то часто это уже надоедает, и чтобы было так же весело, нужно беседовать уже с приятельницей; а потом и этого мало, нужно еще другое. Потом и этого мало, одни и те же приятельницы надоедают, нужно переменить их. И так во всех удовольствиях тела. Чтобы удовольствие не прекращалось, нужно постоянно усиливать его. А чтобы усиливать удовольствие, увеличивать его, нужно требовать больше от других людей; а чтобы заставлять делать других людей то, что мне хочется, есть и было у простых людей – не у властителей – одно средство – деньги. Так было и с Юлием. Он предавался удовольствиям тела, но не был властителем; и потому ему нужно было постоянно увеличивать их, – нужны были деньги.

Отец Юлия был богат, любил своего единственного сына, гордился им и не жалел для него денег. Жизнь Юлия проходила так, как проходит жизнь богатых молодых людей: в праздности, роскоши и развратных увеселениях, которые всегда были и остаются одни и те же: вино, игра и разгульные женщины.

Но удовольствия, которым предавался Юлий, требовали все больше и больше денег, и их стало недоставать у Юлия. Он раз попросил у отца больше, чем то, что обыкновенно давал ему. Отец дал, но сделал сыну выговор. Сын чувствовал себя виноватым и, не желая сознаться в своей вине, разозлился, нагрубил отцу, как всегда злятся те, которые знают свою вину и не хотят сознаться в ней. Взятые у отца деньги очень скоро вышли. И, кроме того, в это же самое время Юлию случилось с пьяным товарищем ввязаться в драку и убить человека. Начальник города узнал это и хотел взять под стражу Юлия. Но отец его выхлопотал ему прощение. В это-то время Юлию по его разгульным делам понадобилось еще более денег. Он занял у товарища и обещал отдать ему. Кроме того, любовница его требовала от него подарков: полюбилось ей жемчужное ожерелье, и он видел, что если он не исполнит ее просьбы, она бросит его и сойдется с богачом, который уж давно отбивал ее от Юлия. Юлий пришел к матери и сказал ей, что ему необходимы деньги, что если она не достанет ему столько, сколько ему нужно, он убьет себя.

В том, что он находился в таком положении, он винил не себя, но отца. Он говорил: отец приучил меня к роскошной жизни, а потом стал жалеть мне денег. Если бы он дал мне сначала без укоров то, что он дал мне после, я бы устроил свою жизнь и не нуждался; но так как он всегда давал мне недостаточно, я должен был обращаться к ростовщикам, и они высасывают из меня все, и для жизни, свойственной мне, как богатому юноше, мне ничего не остается, мне стыдно перед товарищами. А отец ничего этого не хочет понимать. Он забыл, что сам был молод. Он довел меня до этого положения. И теперь, если он не даст мне того, что я прошу, я убью себя.

Мать, баловавшая сына, пошла к отцу. Отец позвал сына и стал бранить и его и

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
мать. Сын грубо ответил. Отец ударил его. Сын схватил за руки отца. Отец крикнул
рабов и велел связать сына и запереть его.

Оставшись один, Юлий проклинал отца и свою жизнь. Смерть своя или отца
представлялась ему единственным выходом из того положения, в котором он
находился.

Мать Юлия страдала больше его. Она не разбирала того, кто был виноват во всем
этом. Она только жалела о любимом детище. Она пошла к мужу умолять его о
прощении. Муж не стал слушать ее, стал упрекать ее в том, что она развратила
сына; она упрекала его и кончилось тем, что муж избил и жену. Но мать ни во что
не считала свои побои, пришла к сыну, уговарила его, чтобы он просил прощенья у
отца и покорился ему. За это она обещала ему тайно от отца дать ему те деньги,
которые ему были нужны. Сын согласился, и тогда мать пошла к своему мужу и
упросила его простить сына. Отец долго бранил жену и сына, но, наконец, решил,
что он простит сына только с тем условием, чтобы он бросил свою распутную жизнь
и женился бы на дочери богатого купца, которую отец обещал высватать за сына.

«Он получит от меня деньги и приданое жены, сказал отец, и тогда пусть начнет
правильную жизнь. Если он обещает исполнить мою волю, я прощу его. Теперь же я
ничего не дам ему и при первой его вине отдам его в руки начальника».

Юлий на всё согласился и был выпущен. Он обещал жениться и бросить свою дурную
жизнь. Но он не намеревался этого сделать. И жизнь дома теперь сделалась для
него адом. Отец не говорил с ним, бранился с матерью за него. Мать плакала.

На другой день мать позвала его в свои покои и тайно передала сыну драгоценный
камень, который она унесла у мужа.

– Поди, продай его, не здесь, а в другом городе, и исполни то, что надо, а я
сумею скрыть эту пропажу до времени. А если откроется, то вину возложу на одного
из рабов.

Слова матери тронули сердце Юлия. Он ужаснулся тому, что она сделала, и, не взяв
драгоценного камня, ушел вон из дома. Он сам не знал, куда и зачем он идет. Он
шел вперед, всё вперед, вон из города, чувствуя необходимость остаться одному и
обдумать всё то, что было с ним и что ожидало его. Идя всё вперед и вперед, он
вышел из города и вошел в священную рощу богини Дианы.² Войдя в уединенное
место, он стал думать. Первая мысль, которая пришла ему, была в том, чтобы
просить помощи у богини. Но он не верил уже в богов своих, и потому знал, что от
них нельзя ожидать помощи. А коли не у них, то у кого? Самому обдумать свое
положение ему казалось слишком страшным. В душе у него была путаница и мрак. Но
делать было больше нечего. Надо было обратиться к своей совести, и он стал перед
ней обсуживать свою жизнь и свои поступки. И то и другое показалось ему дурным и
прежде всего глупым. Из-за чего он так мучил себя? Из-за чего так губил свои
молодые годы? Радостного было мало, а горя и несчастий много. Главное же было
то, что он чувствовал себя одиноким. Прежде была любящая мать, был отец, были
даже друзья, теперь никого не было. Никто не любил его. Всем он был в тягость.
Всем он умел стать поперек их жизни: для матери он был причиной раздора с отцом,
для отца он был расточителем богатств, собранных трудом целой жизни; для друзей
он был опасный, неприятный соперник. Для всех них должно было быть желательно,
чтобы он умер.

Перебирая свою жизнь, он вспомнил о Памфилии и о последнем свидании с ним, и о
том, как Памфилий звал его к нему, к христианам. И ему пришло в голову не
возвращаться домой, а прямо отсюда уйти к христианам и остаться с ними. Но
неужели мое положение такое отчаянное? подумал он и опять стал вспоминать всё,
что с ним было, и опять его ужаснуло то, что, ему казалось, никто не любил его,
и он не любил никого. Мать, отец, друзья – не любили его, должны были желать его
смерти, но и сам он любил ли кого? друзей, он чувствовал, что никого не любил.
Все они были соперники и все были безжалостны к нему теперь, когда он был в
несчастии. Отца? спросил он себя. И ужас охватил его, когда он при этом вопросе
заглянул в свое сердце. Не только он не любил, но он ненавидел его за стеснения,
за оскорблении. Ненавидел – и, кроме того, ясно видел, что для его, Юлия,
счаствия нужна смерть отца.

«Да, – спросил себя Юлий, – и если бы я знал, что никто никогда не увидит и не
узнает, что бы я сделал, если бы я мог ударом сразу лишить его жизни и

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru освободить себя?» И Юлий ответил себе: «да, я убил бы его». Он ответил это себе и ужаснулся сам на себя. «Мать? да, я жалею ее, но и ее я не люблю. Мне всё равно, что будет с ней, мне только нужна ее помощь... да, я зверь! И зверь забитый, затравленный, и только тем и отличаюсь от зверя, что могу по своей воле уйти от этой обманчивой, злой жизни, могу сделать то, что не может зверь – убить себя. Отца ненавижу, никого не люблю: ни мать, ни друзей... да нечего Памфилия одного»...

И он опять вспомнил о нем. Стал вспоминать последнее свидание и их беседу и слова Памфилия о том, что их учитель Христос говорил: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Неужели это правда? Он стал думать, вспоминать кроткое, бесстрашное и радостное лицо Памфилия, и ему захотелось видеть и слышать его, захотелось верить тому, что говорил Памфилий. Что же, в самом деле, сказал он себе, кто я? – Человек ищущий блага. Я искал его в похоронках и не нашел. И все живущие так же, как я, тоже не находят. Все злы и страдают. Есть же человек, который всегда радостен, оттого что он ничего не ищет. Он говорит, что их много таких и что все будут такие, и я могу быть таким, если последую тому, что говорит их учитель. Что если этостина?

Истина или нестина, – меня влечет к ней и я пойду.

Так сказал себе Юлий, вышел из рощи и, решившись не возвращаться более домой, пошел к той деревне, в которой жили христиане.

III.

Юлий шел бодро и радостно, и что дальше он шел и чем живее представлял себе жизнь христиан, вспоминая всё, что говорил Памфилий, тем радостнее ему становилось на душе.

Уже солнце спускалось к вечеру, и он хотел отдохнуть, как на пути ему попался человек отдыхающий и полуднующий.

Человек был средних лет с умным лицом. Он сидел и ел оливки и лепешку. Увидав Юлия, он улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, юноша. Путь далек еще, садись и отдохни.

Юлий поблагодарил и сел.

– Куда идешь? – спросил незнакомец.

– К христианам, – сказал Юлий и слово за слово рассказал незнакомцу всю свою жизнь и свое решение.

Незнакомец слушал внимательно, расспрашивал о подробностях и сам не высказывал своего мнения; но когда Юлий кончил, незнакомец сложил в сумку оставшуюся пищу, оправил свою одежду и сказал:

– Юноша, не исполняй своего намерения, ты заблуждаешься. Я знаю жизнь, а ты не знаешь ее. Я знаю христиан, а ты не знаешь их. Слушай, я разберу всю твою жизнь и твои мысли, и когда ты услышишь их от меня, ты примешь то решение, которое представится тебе более правильным. Ты молод, богат, красив, силен, – страсти кипят в тебе. Ты хочешь найти тихое пристанище, такое, в котором бы страсти не волновали тебя, и ты бы не страдал от их последствий, и тебе кажется, что ты найдешь такое убежище среди христиан. Такого места нет, милый юноша, потому что то, что тревожит тебя, находится ни в Киликии, ни в Риме, но в тебе самом. В тиши сельского уединения те же страсти будут мучить тебя, но только в сто раз сильнее. Обман христиан или ошибка их (я не хочу осуждать их) состоит именно в том, что они не хотят признавать природы человека. Совершенным исполнителем их учения может быть только старик, выживший из всех страстей своих. Человек же в силе, особенно юноша, как ты, не изведавший жизни и самого себя, не может подчиниться их закону, потому что закон этот имеет в основе не природу человеческую, а праздное мудрствование их основателя – Христа. Если ты пойдешь к ним, ты будешь страдать тем же, чем ты страдаешь теперь, но только в гораздо большей степени. Теперь твои страсти завлекают тебя на ложные пути, но ты, ошибившись раз в направлении, можешь поправиться, теперь ты всё-таки имеешь удовлетворение освобожденной страсти, т. е. жизни. Но среди них ты, сдерживая насиливо свои страсти, будешь заблуждаться точно так же, еще хуже, и кроме этого

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
страдания будешь еще иметь непрестающее страдание неудовлетворенных
потребностей человека. Пусти воду из плотины, и она будет поить землю и луга и
животных, но удержи ее, – она будет рыть землю и вытекать грязью. То же и с
страстями. Учение христиан состоит, кроме тех верований, которыми они утешаются
и о которых я не стану говорить, – учение их состоит для жизни в следующем: они
не признают насилия, не признают войны, судов; не признают собственности; не
признают наук, искусств, всего того, что делает жизнь легкою и радостною.

Все это было бы хорошо, если бы люди были все такими, каким они описывают своего
учителя. Но ведь этого нет и не может быть. Люди злы и подвержены страстям. Эта
игра страстей и те столкновения, которые происходят от них, и удерживают людей в
тех условиях жизни, в которых они живут. Варвары (дикари) не знают никаких
стеснений, и один дикарь для удовлетворения своих похотей уничтожил бы весь мир,
если бы все люди покорялись так, как покоряются христиане. Если боги вложили в
людей чувство гнева, мести, даже злобы против злых, то они сделали это потому,
что чувства эти необходимы для жизни людей. Христиане учат, что эти чувства
дурные, и что без них люди были бы счастливы, не было бы убийств, казней, войн.
Это справедливо, но это подобно тому предположению, что для благосостояния людей
им не надо питаться. Действительно, не было бы жадности, голода и всех
происходящих от того бедствий. Но ведь это предположение не изменило бы природу
человека. Если бы два, три десятка людей, поверив этому, и действительно, не
принимая пищи, умерли бы от голода – это не изменило бы природу человека. Точно
то же с другими страстями человека: негодование, злоба, месть, даже любовь к
женщине, к роскоши, к блеску и величию, свойственны и богам, и потому и суть
неизменные свойства человека. Уничтожь питание человека – и уничтожится человек;
точно так же, уничтожь свойственные человеку страсти – и уничтожится
человечество. То же самое и о собственности, которую будто бы отвергают
христиане. Посмотри вокруг себя: каждый виноградник, каждая ограда, каждый дом,
каждая ослица – всё это произведено людьми только при условии собственности.
Откинь право собственности – и ни один виноградник не будет перекопан, ни одно
животное не будет воспитано и ухожено. Христиане утверждают, что у них нет
собственности, но они пользуются плодами ее. Они говорят, что всё у них общее и
всё сносят вместе. Но то, что они сносят, они получили от людей, владеющих
собственностью. Они только обманывают людей и в лучшем случае обманывают самих
себя. Ты говоришь: они сами работают, чтобы кормиться, но то, что они сработают,
не прокормило бы их, если бы они не пользовались тем, что произвели люди,
признающие собственность. Если бы даже они и могли прокормиться, то они только
могли бы поддержать свою жизнь, и уже в их среде не было бы места ни наукам, ни
искусствам. Они и не признают пользы наших наук и искусств. Да им и нельзя
поступать иначе. Всё их учение идет только к тому, чтобы вернуть людей к их
первобытному состоянию, к дикости, к животному. Они не могут служить
человечеству науками и искусствами, и, не зная их, отрицают их. Не могут служить
теми способностями, которые составляют исключительное свойство человека и
приближают его к богам. У них не будет ни храмов, ни статуй, ни театров, ни
музеев. Они говорят, что этого им не нужно. Самый легкий способ не стыдиться
своей низости – это презирать высоту. Это они и делают. Учитель их – невежда и
обманщик. И они подражают ему. Кроме того, они – безбожники. Они не признают
богов и вмешательства их в дела людей. Для них есть только отец их учителя,
которого они называют и своим отцом, и сам учитель, по их понятиям, открывший им
все тайны жизни. Учение их – жалкий обман. Пойми одно: учение наше говорит: мир
стоит богами, боги покровительствуют людям. Людям же для того, чтобы жить
хорошо, нужно почитать богов и самим искать и думать. И потому руководит в жизни
нашей, с одной стороны, воля богов, с другой – совокупная мудрость всего
человечества. Мы живем, думаем и ищем, и потому подвигаемся к истине. У них же
нет ни богов, ни их воли, ни мудрости человеческой, а есть одно – слепая вера в
своего распятого учителя, и во всё то, что он сказал им. Взвесь же, какой
руководитель надежнее: воля богов и совокупная свободная деятельность всей
мудрости человеческой, или принудительная, слепая вера в слова одного человека?

Юлий был поражен тем, что сказал ему незнакомец, и в особенности последними его
словами. Намерение его идти к христианам было не только поколеблено, но ему
теперь казалось даже странным, как он мог под влиянием своих бед решиться на
такое безумие; но для него оставался еще вопрос о том, что ему делать теперь и
как выйти из тех затруднительных обстоятельств, в которых он находится, и он,
рассказав свое положение, спросил об этом незнакомца.

«Об этом самом я и хотел сказать теперь», – продолжал незнакомец. «Что тебе
делать? путь твой, насколько мне доступна человеческая мудрость, для меня ясен.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Все твои бедствия вытекают из свойственных людям страстей. Страсть увлекла тебя, завела так далеко, что ты пострадал. Таковы обычные уроки жизни. Уроки эти должны быть тобой употреблены на пользу. Ты изведал многое и знаешь, где горькое и где сладкое. Ты не можешь уж повторять тех же ошибок. Пользуйся своим опытом. То, что больше всего тебя огорчает, – это твоя вражда к отцу. Вражда эта произошла от твоего положения: избери другое, и она уничтожится, или, по крайней мере, не будет уже так болезненно проявляться.

Все твои беды произошли от неправильности твоего положения. Ты предавался увеселениям молодости. Это естественно и потому хорошо. И оно было хорошо, пока было свойственно возрасту. Но пора миновала, ты с силами мужа отдался ревностям юности, и стало дурно. Ты в той поре, когда надо делать гражданином, мужем, и служить республике, трудиться на ее пользу. Отец предлагает тебе жениться. Совет его мудрый. Ты пережил одну пору жизни – юность, и вступил в другую. Все твои тревоги суть только признаки переходного состояния. Признай, что пора юности миновала, и, смело отбросив все, что было свойственно ей, но не свойственно мужу, вступи на новый путь. Женись, брось потехи юности, занимайся торговлей, общественными делами, науками и искусствами, и ты, кроме того, что примиришься с отцом и с друзьями, ты найдешь успокоение и радость. Главное, что тебя тревожило – это неестественность твоего положения. Ты возмужал и тебе нужно вступить в брак и быть мужем. И потому главный совет мой: исполни желание отца – женись. Если же тебя влечет к тому уединению, которое ты думаешь найти у христиан, если ты склонен к философии, а не к деятельности жизни, то ты можешь с пользой предаться этой деятельности только после того, как ты узнаешь жизнь в ее настоящем значении. А ты узнаешь это только, как самостоятельный гражданин и глава семейства. Если и потом тебя будет тянуть к уединению, предайся ему, тогда это будет истинное влечение, а не вспышка недовольства, каково оно теперь. Тогда иди.

Последние слова более всего другого убедили Юлия. Он поблагодарил незнакомца и вернулся домой. Мать приняла его радостно. Отец тоже, узнав о его намерении покориться его воле и жениться на той девице, которую он предлагал ему, примирился с сыном.

IV.

Через три месяца была отпразднована свадьба с красавицей Евлалией, и Юлий, изменив свой образ жизни, стал жить отдельным домом с женой и сам вести часть торгового дела, которое передал ему его отец.

Однажды он поехал для своего торгового дела в недалеко отстоящий город и там, сидя в лавке у купца, увидел проходящего мимо лавки Памфилия с незнакомой ему девицей. Оба шли с тяжелыми ношами винограда, который они продавали. Юлий, узнав друга, вышел к нему и просил его войти в лавку, чтобы побеседовать с ним.

девица, увидя желание Памфилия пойти с другом и сомнение его в том, чтобы оставить ее одну, поспешила сказать, что она не нуждается в нем и одна посидит с виноградом, ожидая покупателя.

Памфилий поблагодарил ее и пошел с Юлием в лавку. Войдя в лавку, Юлий попросил у своего знакомого купца позволения войти с своим другом в его горницу и, получив это разрешение, удалился с Памфилием в задние покой.

друзья расспросили друг друга об обстоятельствах своей жизни.

Жизнь Памфилия не изменилась с тех пор, как они виделись последний раз; он продолжал жить в христианской общине, не был женат и уверял своего друга, что жизнь его с каждым годом, днем и часом становится все радостнее и радостнее.

Юлий рассказал другу все, что с ним было, и как он был уж на дороге к христианам, когда встреча незнакомца остановила его, и то, как незнакомец разъяснил ему заблуждения христиан, его главную обязанность жениться, и как он последовал совету и женился.

– Ну, что же, ты счастлив теперь? – спросил Памфилий. – Нашел ты в женитьбе то, что обещал тебе незнакомец?

– Счастлив? – сказал Юлий. – Что такое счастлив? Если разуметь под этим словом полное удовлетворение своих желаний, то, разумеется, я не счастлив. Я веду свое

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
дело торговое пока с успехом, люди начинают почитать меня, и в том и в другом я
нахожу некоторое удовлетворение. Хотя я и вижу много людей, которые богаче и
почетнее меня, я предвижу возможность сравняться с ними и даже превзойти их. Эта
сторона моей жизни полна; но супружество, я прямо скажу, не удовлетворило меня.
Скажу больше: я чувствую, что это самое супружество, которое должно было дать
мне радость, не дало мне ее, и что та радость, которую я испытал сначала, шла
постоянно уменьшаясь и, наконец, уничтожилась, и на том месте, где была радость
от супружества, вырастает горе. Жена моя красива, умна, учена и добра. В первое
время я был совершенно счастлив. Но теперь – ты не знаешь этого, не имея жены –
у нас являются причины раздора оттого, что то она ищет моих ласк, когда я
равнодушен к ней, то наоборот. Кроме того, для любви необходима новизна. Женщина
менее привлекательная, чем моя жена, более привлекает меня в первое время, но
потом становится еще менее привлекательна, чем жена; я уже испытал это. Нет, я
не нашел удовлетворения в супружестве. Да, друг, – заключил Юлий, – правы
философы: жизнь не дает того, чего желает душа. Это я испытал на супружестве. Но
то, что жизнь не дает того блага, которого жаждет душа, не доказывает того,
чтобы и ваш обман мог дать его, – прибавил он улыбаясь.

- В чем же ты видишь наш обман? – спросил Памфилий.
- Обман ваш состоит в том, что вы для того, чтобы избавить человека от бед, соединенных с делами жизни, отрицаете все дела жизни – самую жизнь. Чтобы избавиться от разочарований, вы отрицаете очарование, вы отрицаете самый брак.
- Мы не отрицаем брака, – сказал Памфилий.
- Если не брак, то вы отрицаете любовь.
- Напротив, мы всё отрицаем, кроме любви. Она для нас служит первой основой всего.
- Я не понимаю тебя, – сказал Юлий, – сколько я слышал от других и от тебя, и потому, что ты не женат еще теперь, несмотря на то, что мы ровесники, я по всему заключаю, что у вас нет брака. Ваши продолжают брачную жизнь, установленную прежде; но вновь не вступают в брак. Вы не заботитесь о продолжении рода человеческого. И если бы вы были одни, род человеческий давно бы прекратился, – говорил Юлий, – повторяя то, что он много раз слышал.
- Это несправедливо, – сказал Памфилий. – Правда, что мы не ставим себе целью продолжение рода человеческого и не так заботимся об этом, как я много раз слышал от ваших мудрецов. Мы полагаем, что Отец наш позаботился уже об этом, цель наша только в том, чтобы жить сообразно Его воле. Если в Его воле находится продолжение рода человеческого, то он продолжится, если нет, он кончится. Это не наша забота. Наша забота – жить по Его воле. Воля же его выражена и в нашей природе, и в нашем откровении, где сказано, что муж да соединится с женой, и будет не два, но одно тело. Брак у нас не только не запрещен, но поощряется нашими стариками-учителями. Разница нашего брака с вашим состоит только в том, что наш закон открыл нам, что всякое похотливое взирание на женщину есть грех, и потому мы и наши женщины, вместо того, чтобы употреблять все средства, чтобы украшать себя и вызывать похоть, мы стараемся удалять ее от себя настолько, чтобы чувство любви между нами, как между сестрами и братьями, было сильнее чувства похоти к одной женщине, которое вы называете любовью.
- Но вы не можете всё-таки подавить чувства к красоте? – сказал Юлий. – Я уверен, например, что та красавица девица, с которой ты принес виноград, несмотря на ее наряд, скрывающий ее прелести, вызывает же в тебе чувство любви к женщине.
- Я не знаю еще, – сказал Памфилий, покраснев. – Я не думал о ее красоте. Ты первый сказал мне о ней. Она для меня только сестра. Но я продолжаю то, что хотел сказать тебе о различии нашего и вашего брака.

«Разница происходит уже оттого, что у вас похоть, под названием красоты и любви и служения богине Венере, поддерживается, вызывается в людях, у нас же, наоборот, похоть считается не злом (Бог не сделал зла), но добром, которое бывает злом, когда оно не в своем месте, – соблазном, как мы называем это. И мы всеми средствами стараемся избегать его. И вот от этого я не женат до сих пор, хотя очень может быть женюсь завтра.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyeo.ru

– Но что же решит это?

– Воля Бога.

– Почем ты узнаешь ее?

– Если никогда не искать указаний ее, никогда не увидишь; если же постоянно искать ее указаний, они становятся ясны, как ясны для вас гадания на жертвах и на птицах. И как у вас есть ваши мудрецы, которые толкуют для вас волю богов по своей мудрости и по внутренностям жертвы и по полету птиц, так точно у нас есть мудрецы-старцы, которые разъясняют нам волю Отца, по откровению Христа, по изучению своего сердца и мыслей других людей, и, главное, по любви к ним.

– Но всё это слишком неопределенно, – возразил Юлий. – Что укажет тебе например, когда и на ком тебе надо жениться? Когда мне предстояло жениться, у меня был выбор трех девиц. Эти три девицы были выбраны из всех других, потому что они были красивы, богаты и отец мой был согласен на мой брак с каждой из них. Из трех же я выбрал свою Евлалию потому, что она была красивее, для меня привлекательнее других. Это понятно. Но что будет руководить тобою в выборе?

– Для того, чтобы ответить тебе, – сказал Памфилий, – я должен сказать тебе прежде всего то, что так как по нашему учению все люди равны перед своим Отцом, то они также равны перед нами и по положению своему, и по душевным и телесным свойствам; и потому выбор наш (если употреблять это слово, для нас непонятное) не может быть ограничен ничем.

«Женою христианина и мужем христианки может быть всякий человек из всех живущих мужчин и женщин мира».

– При этом еще невозможнее решиться, – сказал Юлий.

– Я тебе скажу то, что мне говорил наш старец о разнице, которая существует между браком христианина и язычника.

«Язычник, как ты, выбирает ту, которая, по его мнению, доставит ему, лично ему, больше всего наслаждений. При этом условии глаза разбегаются, и трудно решить, тем более, что наслаждения впереди. Но для христианина нет этого выбора для себя, или скорее выбор для себя, для своего личного наслаждения занимает не первое, а второстепенное место. Для христианина вопрос в том, чтобы своей женитьбой не нарушить волю Бога».

– Но в чем же может быть нарушение воли Бога при браке?

– Я бы мог забыть Илиаду, которую мы вместе с тобой учили и читали, но тебе, живущему в среде мудрецов и поэтов, нельзя забыть. Что же вся Илиада? – Это повесть о нарушении воли Бога по отношению к браку. И Менелай, и Парис, и Елена, и Ахиллес, и Агамемнон, и Хризенда – всё это описание всех страшных бедствий, вытекающих для людей и теперь происходящих от этого нарушения.

– Да в чем же нарушение?

– Нарушение в том, что человек любит в женщине свое наслаждение от сближения с нею, а не человека, подобного себе, и потому вступает в брак ради своего наслаждения. Христианский брак возможен только тогда, когда у человека есть любовь к людям и когда предмет любви плотской уже прежде есть предмет братской любви человека к человеку. Как разумно и прочно строить дом можно только тогда, когда есть основание, и картину писать, когда подготовлено то, на чем пишешь, так плотская любовь только тогда законна, разумна и прочна, когда в основании ее лежит уважение, любовь человека к человеку. На этом основании только может возникнуть разумная христианская семейная жизнь.

– Но всё-таки я не вижу, почему такой христианский, как ты говоришь, брак, – сказал Юлий, – исключает ту любовь к женщине, которую испытывал Парис.

– Я не говорю, чтобы христианский брак не допускал исключительной любви к женщине, напротив, только тогда он и разумен и свят; но исключительная любовь к женщине только тогда может возникнуть, когда не нарушена прежде существовавшая

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru любовь ко всем людям. Исключительная же любовь к женщине, которую воспевают поэты, признанная сама по себе хорошей, без того, чтобы она основывалась на любви к людям, не имеет права называться любовью. Она есть похоть животная и очень часто переходит в ненависть. Лучший пример того, как эта, так называемая, любовь – эрос, если она не основана на братской любви ко всем людям, делается зверством – это случай насилия над той самой женщиной, которую будто любит тот, кто, насилия, заставляет ее страдать и губит ее. В насилии явно, что нет любви к человеку, если он мучает того, кого любит. Но при нехристианском браке часто есть скрытое насилие – когда тот, кто женится на девушке, не любящей его или любящей другого, заставляет ее страдать и не жалеет ее, только бы удовлетворить своей любви.

– Положим, что это так, – сказал Юлий, – но если девушка любит его, то и нет несправедливости, и я не вижу разницы между христианским и языческим браком.

– Я не знаю подробности твоего брака, – отвечал Памфилий, – но я знаю, что всякий брак, имеющий в основе одно личное благо, не может не быть причиной раздора, точно так же, как простое принятие пищи не может обойтись между животными и людьми, мало различающимися от животных, без ссоры и драки. Всякому хочется сладкий кусок, а так как сладких кусков на всех недостает, то является раздор. Если и нет видимого раздора, то есть затаенный. Слабому хочется сладкого куска, но он знает, что сильный не даст его ему; и хотя он уже знает невозможность отнять его прямо у сильного, он с затаенной, завистливой злобой смотрит на сильного и пользуется первым случаем, чтобы отнять у него. То же и с браком языческим; но только – вдвое хуже, потому что предмет зависти есть человек, так что злоба зарождается и между супругами.

– Но как же сделать, чтобы брачующиеся никого не любили, кроме двоих себя. Всегда найдется человек или девица, который любит того или другого. И тогда, по вашему, брак невозможен. И потому-то я вижу, что справедливо то, что и говорят про вас, что вы вовсе не женитесь. Поэтому-то и ты не женат и, вероятно, не женишься. Как же может быть то, чтобы человек женился на одной женщине, никогда раньше не возбудив к себе чувства любви со стороны другой женщины, или девушка дожила до зрелости, не возбудив к себе чувств мужчины? Как же должна была поступить Елена?

– Старец Кирилл говорит об этом так: в языческом мире люди, не думая о любви к братьям, не воспитывая этого чувства, думают об одном: о возбуждении в себе любви страстной к женщине, и воспитывают в себе эту страсть. И потому в их мире всякая Елена или подобная ей возбуждает любовь многих. Соперники боятся друг с другом, стараются превзойти один другого, как животные, чтобы приобрести самку. И в большей или меньшей степени брак их есть борьба и насилие. В нашей общине мы не только не думаем о личном наслаждении красотой, но избегаем всех соблазнов, ведущих к этому и воздвигенных в языческом мире в достоинство и предмет обожания; мы, напротив, только думаем о тех обязанностях уважения и любви к ближнему, которые мы имеем безразлично ко всем людям, к величайшей красоте и к величайшему уродству: мы воспитываем всеми силами это чувство, и потому в нас чувство любви к людям берет верх над соблазном красоты и побеждает его и уничтожает раздор, происходящий из половых сношений.

Христианин женится только тогда, когда его соединение с женщиной, с которой они чувствуют взаимное влечение, не причинит никому огорчения. Кирилл говорит даже так: христианин почивает влечению к женщине только тогда, когда он знает, что его соединение с ней не причинит никому горя.

– Но разве это возможно? – возразил Юлий, – разве можно управлять своими влечениями?

– Нельзя, когда им дана воля, но не дать им просыпаться и подниматься мы можем. Возьми пример отношений отцов с дочерьми, матерей с сыновьями, братьев с сестрами. Мать для сына, дочь для отца, сестра для брата, как бы она ни была прекрасна, – не предмет личного удовольствия, а любви, и чувства не просыпаются. Они проснулись бы только тогда, когда отец узнал бы, что та, которую он считал дочерью – не его дочь, или для сына мать, или для брата сестра, но и тогда чувство это было бы очень слабо и покорно, и во власти человека было бы удержать его. Чувство похоти было бы слабо, потому что в основу его положено чувство любви к матери, к дочери, к сестре. Почему ты не хочешь поверить, что в человеке может быть воспитано и утверждено такое чувство ко всем женщинам, как матерям, дочерям, сестрам, и что на основе этого чувства может вырасти чувство

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
супружеской любви? Как брат, только тогда, когда он узнал, что та, которую он
считал сестрой, не сестра, позволяет в себе подниматься к ней чувству любви, как
к женщине, так точно христианин, только чувствуя, что любовь его не огорчает
никого, позволяет чувству этому подниматься в душе.

- Ну, а если два человека полюбили одну девушку?
- Тогда один жертвует своим счастьем для счастья другого.
- Но когда она любит одного из них?
- Тогда пожертвует своим чувством тот, которого она менее любит, для счастья ее.
- Ну, а если она любит обоих, и оба жертвуют собой, - она ни за кого не выйдет?
- Нет, тогда старшие рассудят дело и посоветуют так, чтобы было наибольшее благо
для всех, при наибольшей любви.
- Но ведь так не делается. А не делается потому, что это противно природе
человека.
- Природе человека? Какой природе человека? Человек, кроме того, что животное,
еще и человек, и правда, что такое отношение к женщине несогласно с животной
природой человека, но оно согласно с его разумной природой. И когда он
употребляет разум на служение своей животной природе, он делается хуже животного
- он доходит до насилия, до кровосмешения, - то, до чего не доходит ни одно
животное. Но когда он употребляет свою разумную природу на обуздание животной,
когда животная природа служит разуму, тогда только, он достигает того блага,
которое удовлетворяет его.

V.

- Но скажи мне о себе лично, - сказал Юлий. - Я вижу тебя с этой красавицей, ты,
как видно, живешь с ней, и неужели ты не желаешь стать ее мужем?
- Я не думал о том, - сказал Памфилий. - Она дочь христианской вдовы. Я служу им
так же, как им служат другие.

Я служу матери так же, как и дочери, и люблю их одинаково. Ты спросил меня:
люблю ли я так, чтобы соединиться с ней?

Вопрос этот тяжел мне. Но я отвечу прямо. Мысль эта приходила мне, но есть
юноша, который любит ее, и потому я не смею еще думать об этом. Юноша этот
христианин и любит нас обоих; и я не могу сделать поступка, который бы огорчил
его. Я живу не думая об этом. Я ищу одного - исполнить закон любви к людям. Это
единое на потребу. Я женюсь тогда, когда увижу, что так надо.

- Но для матери не может быть безразлично приобрести доброго, трудолюбивого
зята. Она будет желать тебя, а не другого.
- Нет, ей безразлично, потому что она знает, что, кроме меня, все наши готовы
служить ей, как и всякому другому; и я не меньше, ни больше буду служить ей,
если я буду или не буду ее зятем. Если же из этого вытечет мой брак с дочерью, я
приму это с радостью, как я приму и брак ее с другим.
- Не может этого быть! - вскрикнул Юлий. - Вот это-то и ужасно в вас, что вы
сами обманываете себя! И этим вы обманываете других. Верно сказал мне про вас
тот незнакомец. Слушая тебя, я невольно подчиняюсь красоте той жизни, которую ты
описываешь мне, но, размышляя, я вижу, что всё это обман, и обман, ведущий к
дикости, грубости жизни, приближающейся к животной.

- В чем же ты видишь эту дикость?

- А в том, что, поддерживая сами свою жизнь трудами, вы не имеете досуга и
возможности заниматься науками и искусствами. Ты вот в оборванном одеянии, с
огрубевшими руками и ногами, твоя спутница, которая бы могла быть богиней
красоты, похожа на рабу. Нет у вас ни песен Аполлона, ни храмов, ни поэзии, ни
игр - ничего, что дали боги для украшения жизни человека. Работать, работать,
как рабы или как волы, чтоб только грубо кормиться - разве это не добровольное и

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
бездожное отречение от воли и природы человека?

– Опять природа человека! – сказал Памфилий. – Но в чем эта природа? В том ли, чтобы мучать непосильным трудом рабов, убивать своих братьев и брать их в рабы, из женщины делать предмет забавы?.. Всё это необходимо для той красоты жизни, которую ты считаешь свойственной природе человека. В этом ли природа человека, или в том, чтобы жить в любви и согласии со всеми, чувствовать себя членом одного всемирного братства?

Ты тоже очень ошибаешься, если думаешь, что мы не признаем науки и искусства. Мы высоко ценим все способности, которыми одарена человеческая природа. Но на все способности, присущие человеку, мы смотрим, как на средства для достижения одной и той же цели, которой мы посвящаем всю нашу жизнь, а именно – исполнение воли Божьей. В науке и искусстве мы видим не потеху, годную только для увеселения праздных людей; мы требуем от науки и от искусства того же, что от всех занятий человеческих, – чтобы в них осуществлялась та же деятельная любовь к Богу и ближнему, которою проникнуты все дела христианина. Мы признаем за действительную науку только такие знания, которые помогают нам жить лучше, и искусство мы уважаем только тогда, когда оно очищает наши помыслы, возвышает душу, укрепляя наши силы, необходимые для трудовой любовной жизни. Такие знания мы, по мере возможности, не упускаем случая развивать в себе и в наших детях; и такому искусству мы охотно предаемся в свободное время. Мы читаем и изучаем писания, завещанные нам мудростью людей, живших до нас; мы поем стихи, пишем картины, и стихи и картины наши ободряют наш дух и утешают нас в минуты печали. Потому-то мы и не можем одобрять те применения, которые вы себе делаете из науки и искусства. Ваши ученые употребляют свою способность соображения на измышление новых средств для причинения зла людям: они усовершенствуют приемы войны, т. е. убийства; изобретают новые способы наживы, т. е. обогащения одних на счет других. Искусство ваше служит на сооружение и украшение храмов в честь богов, которым наиболее развитые из вас давно уже не верят, но веру в которых вы поддерживаете в других, рассчитывая, что таким обманом вы лучше удержите их под своею властью. Статуи воздвигаются в честь наиболее сильных и жестоких из ваших тиранов, которых никто не уважает, но все боятся. На театрах ваших даются представления, восхваляющие преступную любовь. Музыка служит для потехи ваших богачей, объедающихся и напивающихся на своих роскошных пирах. Живопись применяется к изображению в домах разврата таких картин, на которые не может, не краснея, взглянуть человек трезвый или не одурманенный животною страстью.

Нет, не на это даны человеку те высшие способности, которые отличают его от зверей. Нельзя делать из них потеху для нашего тела. Посвятив всю свою жизнь на исполнение воли Божьей, мы тем более употребляем на это же служение и высшие наши способности.

– Да, – сказал Юлий, – всё это было бы прекрасно, если бы жизнь при таких условиях была возможна: но жить так нельзя. Вы сами обманываете себя. Вы не признаете наших защит. А если бы не было римских легионов, разве вы бы могли жить покойно? Вы пользуетесь защитой не признавая ее. Даже некоторые из вас, ты сам говорил, защищали себя. Вы не признаете собственности, а пользуетесь ею, ваши же имеют ее и дают вам; ты сам не отдашь даром виноград, а продашь его и будешь покупать..... все это обман. Если бы вы вполне делали то, что говорите, тогда бы так; а то вы других и себя обманываете!

Юлий разгорячился и высказал все, что имел на душе. Памфилий молчал, ожидая. Когда Юлий кончил, Памфилий сказал:

Напрасно ты думаешь, что не признавая ваших защит, мы ими пользуемся. Нам римские легионы не нужны, так как мы не придаём никакой цены тому, что требует защиты насилием, благо наше в том, что не требует защиты, и этого никто не может отнять у нас. Если же и проходят через наши руки вещественные предметы, представляющие в ваших глазах собственность, то мы не считаем их своими и передаем их тем, кому они нужны для пропитания. Мы продаем виноград желающим покупать его не ради собственной наживы, а единственно для того, чтобы приобретать нуждающимся необходимое для жизни. Если кто-нибудь пожелал бы отнять у нас этот виноград, мы бы отдали его без противления. По этой самой причине мы не боимся и нашествия дикарей. Если б они стали отнимать у нас произведения нашего труда, мы им уступали бы их; если бы они потребовали, чтобы мы работали на них, мы и это исполняли бы с радостью; и им не только не за что, но и не выгодно было бы нас убивать или мучать. Дикари скоро поняли бы и полюбили бы

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
нас, и от них нам пришлось бы меньше терпеть, чем от окружающих нас теперь и
преследующих нас просвещенных людей.

Говорят, что только благодаря праву собственности получаются все те произведения, которыми люди пытаются и живут; но, посуди сам, кем в действительности производятся все нужные для жизни предметы? Благодаря чьему труду накапляются эти богатства, которыми вы так гордитесь? Производится ли всё это теми, кто, сидя сложа руки, повелевают своими рабами и наемниками и которые одни пользуются собственностью, или теми бедными рабами, которые, ради куска хлеба, исполняют приказание своих хозяев и сами не пользуются никаким имуществом, получая на свою долю едва достаточно, для дневного пропитания? И почему же вы думаете, что рабы эти, не щадящие своих сил для исполнения распоряжений часто им даже вовсе непонятных, – почему вы думаете, что люди эти перестанут работать, когда им предстанет возможность работать разумную и понятную для них работу на себя и на тех, кого они любят и жалеют?

Обвинения твои против нас состоят в том, что мы не достигаем вполне того, к чему стремимся, даже, что мы обманываем других, утверждая, что мы не признаем насилия и собственности и вместе с тем пользуясь ими. Если мы обманщики, то с нами и говорить нечего, и мы не заслуживаем гнева, ни обличения, а одного презрения. И презрение мы охотно принимаем, ибо одно из наших правил это признание своего ничтожества. Но если бы мы искренно стремились к тому, что мы исповедуем, то тогда обвинения твои нас в обмане были бы несправедливы. Если мы стремимся, как стремлюсь я и мои братья, к тому, чтобы, исполняя закон нашего учителя, жить без насилия и вытекающей из него собственности, то ведь мы стремимся к этому не для внешних целей: богатства, власти, почестей – всего этого мы ведь не приобретаем, – но для чего-то другого. Мы так же, как и вы, ищем блага: разница только в том, что мы и вы в различном видим благо. Вы верите, что благо в богатстве и почестях, а мы верим в другое. Вера наша указывает нам, что благо наше не в насилии, а в покорности, не в богатстве, а в отдаче всего. И мы, как растения к свету, не можем не стремиться туда, где видим наше благо. Мы не исполняем всего, чего мы хотим для нашего блага, т. е. не очистились совсем от насилия и собственности. Это правда. Но разве это может быть иначе? Ты стремишься к тому, чтобы иметь самую красивую жену, чтобы иметь самое большое имущество, – разве ты или кто-либо достиг этого? Если стрелок не попадет в цель, то разве оттого, что он много раз не попадал в цель, он перестанет метить в нее? То же и с нами. Благо наше – по учению Христа – в любви, любовь же исключает насилие и вытекающую из него собственность. Мы ищем нашего блага, но далеко не вполне и различно, каждый по-своему, достигаем его.

– Да, но почему же вы не верите всей мудрости человеческой и отвернулись от нее, а верите одному вашему распятому учителю. Рабство ваше, покорность перед ним, вот что отталкивает меня.

– Опять ты ошибаешься, и ошибается тот, кто думает, что мы исповедаем наше учение, имеем нашу веру, потому что так нам велел этот человек, которому мы верим. Наоборот – те, которые ищут всей душой познания истины, общения с Отцом, те, которые ищут истинного блага, те невольно приходят на тот путь, по которому шел Христос, и потому, невольно становясь позади его, видят его перед собой. Все, любящие Бога, сойдутся на этом пути, и ты также. Он – Сын Божий и посредник между Богом и людьми, не потому что нам кто-нибудь сказал это и мы в это слепо верим, но потому что все те, которые ищут Бога, находят Его Сына перед собой, и невольно только через него понимают, видят и знают Бога.

Юлий не отвечал и долго сидел молча.

– Ты счастлив? – спросил он.

– Ничего не желаю лучшего. Но мало того, я большей частью испытываю чувство недоумения, сознание несправедливости какой-то. За что именно я так огромно счастлив? – сказал Памфилий улыбаясь.

– Да, – сказал Юлий, – может быть, я был бы счастливее, если бы я тогда не встретил незнакомца и дошел до вас.

– А если ты думаешь так, так что же мешает тебе?

– А жена?

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

- Ты говорил, что она склонна к христианству, и она пойдет с тобой.
- Да, но начата уже другая жизнь; как разбивать ее? Начата – надо доживать ее, – сказал Юлий, живо представив себе и недовольство отца, матери, друзей, и главное, все то усилие, которое надо бы употребить, чтобы сделать этот переворот.

В это время к двери лавки подошла девица, подруга Памфилия, с юношем. Памфилий вышел к ним, и юноша при Юлии рассказал, что он прислан от Кирилла закупить кожи. Виноград был уже продан, и пшеница закуплена. Памфилий предложил юноше идти с Магдалиной домой с пшеницей, а самому купить и принести кожи.

- Тебе будет лучше, – сказал он.

– Нет, Магдалине лучше идти с тобой, – сказал юноша и удалился. Юлий проводил Памфилия в лавку к знакомому купцу. Памфилий насыпал пшеницы в мешки и, положив малую часть Магдалине, вскинув свою тяжелую ношу, простился с Юлием и рядом с девицей пошел из города.

На повороте из улицы Памфилий оглянулся и улыбаясь кивнул головой Юлию и так, еще радостнее улыбаясь, сказал что-то Магдалине, и они скрылись из глаз.

да, лучше бы я сделал, если бы тогда дошел до них, подумал Юлий. И в его воображении, сменяясь, восставали два образа: то сильный Памфилий с высокой, сильной девой, несущей на голове корзину, и их добрые и светлые лица, то тот свой домашний очаг, из которого он вышел утром и в который вернется: изнеженная, красивая, но прискучившая и постылая жена в уборах, запястьях, лежащая на коврах и подушках.

Но Юлию некогда было думать, подошли купцы, товарищи, и началось обычное занятие, кончившееся обедом, с питьем и ночью с женой...

VI.

Прошло десять лет. Юлий не встречался более с Памфилием. И свидания с ним понемногу вышли из его памяти, и изгладилось впечатление о нем и о христианской жизни. Жизнь Юлия шла обычным чередом. За это время умер его отец, и он должен был принять всё торговое дело. Дело было сложное, были привычные покупатели, были продавцы в Африке, были приказчики, были долги, которые надо было собрать и которые надо было заплатить. Юлий невольно втянулся в дело и отдавал ему всё свое время. Кроме того, явились новые заботы. Он был избран на общественную должность. И это новое занятие, щекотавшее его самолюбие, было для него заманчиво. Кроме торговых дел, он занялся и общественным и, имея ум и дар слова, стал выдвигаться между другими, так что он мог достигнуть высокого общественного положения.

В продолжение этих десяти лет в семейном быту его произошла тоже значительная и неприятная для него перемена. У него родилось трое детей, и это рождение детей ударило его от жены. Во-первых, жена его потеряла большую часть своей красоты и свежести; во-вторых, она меньше заботилась теперь о муже. Все ее нежности и ласки были сосредоточены на детях. Хотя дети и были отдаваемы, по обычай язычников, кормилицам и няням, часто Юлий заставлял их у матери, или ее не находил в ее покоях, а у ее детей. А дети большую частью тяготили Юлия, доставляя ему больше неприятностей, чем радостей. Занятый торговыми и общественными делами, Юлий оставил свою прежнюю разгульную жизнь, но ему нужно было, как он полагал, изящное отдохновение после трудов, и он не находил его у жены, тем более, что жена за всё это время всё больше и больше сходилась с своей рабыней-христианкой, всё больше и больше увлекалась новым учением и откидывала в своей жизни всё внешнее языческое, которое составляло прелест для Юлия. Не находя в жене того, чего искал, Юлий сошелся с женщиной легкого поведения и с нею проводил те досуги, которые оставались у него от занятий. Если бы спросили у Юлия, счастлив ли он был или несчастлив за эти годы своей жизни, он бы не мог ответить: он был так занят! От одного дела и удовольствия он переходил к другому делу или другому удовольствию, но ни одно дело не было такое, при котором он бы был вполне доволен, которое бы он желал продолжать. Всякое дело было такое, что чем скорее он мог освободиться от него, тем было для него лучше, и ни одно удовольствие не было таково, которое бы не было чем-нибудь отравлено, к которому бы не примешивалась скука пресыщения.

Так жил Юлий, когда с ним случилось событие, чуть не изменившее весь ход его жизни. На Олимпийских играх он участвовал в ристалищах и, проведя благополучно свою колесницу до конца, вдруг наскочил на другую, обгоняя ее. Колесо сломалось, он упал и сломал себе два ребра и руку. Повреждения его были тяжелы, но не опасны для жизни. Юлия отнесли домой, и он должен был пролежать три месяца.

В эти три месяца среди тяжелых телесных страданий стала работать его мысль, и он имел досуг обдумывать свою жизнь, глядя на нее, как на жизнь постороннего человека.

И жизнь его представлялась ему в мрачном свете, тем более, что в это же время случились три неприятные события, сильно огорчившие его: первое было то, что раб, надежный слуга еще отца его, получив в Африке дорогие камни, бежал с ними и сделал большой убыток и расстройство в делах Юлия. Второе было то, что наложница Юлия оставила его и избрала себе нового покровителя. Третье, и самое неприятное для Юлия было то, что во время его болезни были выборы на то место правителя, которое он надеялся занять, и место это занял его соперник. Все это, казалось Юлию, произошло от его болезни; болезнь же произошла оттого, что колесница его на одну толщину пальца взяла влево. Лежа один в постели, он невольно стал думать о том, от каких ничтожных случайностей зависело его счастье, и мысли эти навели его на другие и на воспоминания о прежних своих несчастиях, о попытке его уйти к христианам и о Памфилии, которого он не видал уже десять лет. Воспоминания еще усиливались беседами с женой, которая теперь часто была с ним во время его болезни и рассказывала ему про все то, что она знала о христианах от своей рабыни. Рабыня эта жила одно время в той же общине, где жил Памфилий, и знала его. Юлий пожелал видеть ее рабыню и, когда она пришла к его ложу, подробно расспрашивал обо всем и в особенности о Памфилии.

Памфилий, рассказывала рабыня, был одним из их лучших братьев и был любим и уважаем всеми; он был женат на той самой Магдалине, которую десять лет тому назад видел Юлий. И у них уж было несколько детей.

– Да, тому человеку, который не верит в то, что Бог сотворил людей для их блага, – заключила рабыня, – надо пойти посмотреть их жизнь.

Юлий отпустил рабыню и остался один, думая о том, что он слышал. Ему завидно было сличать жизнь Памфилия с своей, и он хотел не думать об этом. Чтобы развлечься, он взял ту греческую рукопись, которую положила ему жена, и стал читать ее. В рукописи он прочитал следующее:

«Есть два пути, один – жизни и один – смерти.

Путь жизни состоит в следующем: во-первых, ты должен любить Бога, создавшего тебя; во-вторых, ближнего своего, как самого себя; и всего того, чего не желаешь, чтобы случилось с собою, не делай и ты другому. Учение же, заключающееся в сих словах, следующее: благословляйте проклинающих вас, молитесь за врагов ваших и за ваших гонителей; ибо какое благодеяние, если вы любите любящих вас? Не делают ли то же язычники? Вы же любите ненавидящих вас, и вы не будете иметь врагов. Удаляйся от плотских и мирских прихотей. Если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую, и будешь совершен. Если кто-либо принуждает тебя идти с ним одну версту, иди с ним две; если кто берет твою верхнюю одежду, отдай ему и рубашку; если кто взял у тебя твое, не требуй назад; ибо ты этого не можешь. Всякому просящему у тебя дай и не требуй назад; ибо Отец желает, чтобы всем было даруемо от его благодатных даров. Блажен дающий по заповеди...

Вторая проповедь учения. Не убивай, не прелюбодействуй, не распутничай, не крадь, не волхвуй, не отравляй, не желай принадлежащего ближнему твоему. Не клянись, не лжесвидетельствуй, не злословь, не помни зла. Не будь двойственным в масли, ни двуязычным... Да не будет слово твое лживо, ни пусто, но согласно с делом. Не будь корыстолюбивым, ни хищником, ни лицемером, ни злонравным, ни надменным. Не предпринимай худого намерения против ближнего своего. Не имей ненависти ко всякому человеку, но одних обличай, за других молись, а иных люби более души своей...

Чадо мое! избегай всякого зла и всего подобного ему. Не будь гневлив, ибо гнев ведет к убийству; ни ревнив, ни сварлив, ни вспыльчив: ибо из всего этого

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru происходят убийства. Чадо мое! не будь похотлив, ибо похоть доводит до блуда; не будь срамословен, ибо из этого происходят прелюбодеяния. Чадо мое! не ворожи, ибо это ведет к идолопоклонничеству; не волхвуй, не чернокнижничай, не делай заговоров и не желай смотреть на подобные дела, потому что это – идолопоклонство. Чадо мое! не будь лжив, поелику ложь доводит до воровства, ни сребролюбив, ни тщеславен; ибо из всего этого происходят воровства. Чадо мое! не будь ропотником, ибо сие ведет к богохульству; ни дерзким, ни зломыслящим; ибо из всего этого происходят богохульства. Но будь кроток, потому что кроткие наследуют землю. Будь долготерпелив, и милостив, и не злобив, и смирен, и добр, и всегда трепещи слов, которые ты услышал. Не превозносись и не давай душе своей дерзости. Да не прилепляется душа твоя к гордым, но обращайся с праведными и смиренными. Всё, что случается с тобой, принимай как благо, зная, что без Бога ничего не бывает... Чадо мое! не причиняй разделения, спорящих же примиряй. Не простирай рук к принятию и не скимай при отдавании. Не колеблись давать и отдавая не ропщи: ибо ты узнаешь, кто добрый Мздовоздаятель. Не отвращайся от нуждающегося, но во всем имей общение с братом своим и ничего не называй своею собственностью: ибо если вы соучастники в нетленном, то тем более в вещах тленных! От юности учи детей своих страху Божию. Во гневе своем не повелевай рабом своим или рабою, дабы они не перестали бояться Бога, сущего над обоими вами; ибо он не приходит призывать, судя по лицам, но он призывает тех, коих уготовал Дух».

А путь смерти следующий: прежде всего он злой и исполнен проклятия; здесь убийство, прелюбодеяние, похоть, блуд, воровство, идолослужение, волшебство, отравление, хищение, лжесвидетельство, лицемерие, двоедушие, коварство, гордость, злоба, высокомерие, алчность, сквернословие, зависть, дерзость, заносчивость, тщеславие; здесь гонители добрых, ненавистники истины, любители лжи, не признающие воздаяния за праведность, не прилепляющиеся к добру, ни к праведному суждению, бдительные не в добре, но в зле, от которых далеки кротость и терпение; здесь же любящие суету, гоняющиеся за мздовоздаянием, не имеющие сострадания к бедному, не трудящиеся за утруженных, не знающие Творца своего, убийцы детей, погубители образа Божия, отвращающиеся от нуждающегося, притеснители угнетенного, защитники богатых, беззаконные судьи бедных, грешники во всем! Берегитесь, дети, от всех таких людей!»...

Еще далеко не дочтя рукопись до конца, с ним случилось то, что бывает с людьми, с искренним желанием истины читающими книгу, т. е. чужие мысли, случилось то, что он вступил душой в общение с тем, кто внушил их. Он читал, вперед угадывая то, что будет, и не только соглашаясь с мыслями книги, но как будто сам высказывая эти мысли.

С ним случилось то обыкновенное, не замечаемое нами, но таинственнейшее и значительнейшее явление в жизни, состоящее в том, что так называемый живой человек становится истинно живым, когда вступает в общение, соединяется в одно с так называемыми умершими и живет с ними одною жизнью. Душа Юлия соединилась с тем, кто писал и внушил эти мысли, и после этого общения он оглянулся на себя, на свою жизнь. И сам он и вся его жизнь показалась ему одной ужасающей ошибкой. Он не жил, а только губил в себе всеми заботами о жизни и соблазнами возможность истинной жизни.

– Не хочу губить жизнь, хочу жить, идти по пути жизни, – сказал он себе.

Он вспомнил всё, что ему говорил Памфилий в их прежних беседах, и всё это теперь показалось так ясно и несомненно, что он удивлялся тому, как мог он тогда поверить незнакомцу и не исполнить своего намерения уйти к христианам. Он вспомнил тоже то, что сказал ему незнакомец: «пойди тогда, когда испытаешь жизнь».

– Ну вот, я испытал жизнь и ничего не нашел в ней. – Он вспомнил тоже слова Памфилия о том, что когда бы он ни пришел к нему, они будут рады принять его. – Нет, довольно заблуждаться и страдать, – сказал он себе. – Брошу всё и пойду к ним жить так, как сказано здесь. Он сказал жене, и жена его была восхищена его намерением.

Жена была готова на всё. Дело стояло только за тем, как привести его в исполнение. Как поступить с детьми? Взять ли их с собой или оставить у бабушки? Как взять их? Как после нежности их воспитания подвергнуть их всем трудностям суровой жизни? Рабыня предложила идти с ними. Но мать боялась за детей и

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru говорила, что лучше оставить их у бабушки, а идти одним. И на этом оба согласились. Всё было решено, только болезнь Юлия задерживала исполнение.

VII.

В таком расположении духа Юлий заснул. На утро ему сказали, что проезжий искусный врач желает его видеть, обещаясь скоро помочь. Юлий с радостью принял врача. Врач был не кто иной, как тот самый незнакомец, которого встретил Юлий, когда шел к христианам.

Осмотрев его раны, врач предписал приемы трав для подкрепления сил.

– Буду ли я в состоянии работать рукою? – спросил Юлий.

– О, да. Править колесницей, писать – да.

– Но тяжелую работу – копать?

– Я не думал об этом, – сказал врач, – потому что это не может быть тебе нужно по твоему положению.

– Напротив, это-то мне и нужно, – сказал Юлий и рассказал врачу, что с тех пор, как он видел его, он последовал его совету, испытал жизнь; но жизнь не дала ему того, что она обещала, а, напротив, разочаровала его, а что он теперь хочет привести в исполнение то намерение, о котором говорил тогда.

– Да, видно, пустили они в дело все свои обманы и прельстили тебя, так что ты в твоем положении, с теми обязанностями, которые лежат на тебе, особенно по отношению к детям, не видишь всё-таки их заблуждений.

– Прочти это, – сказал Юлий, подавая врачу рукопись, которую он читал.

Врач взял рукопись, взглянул на нее.

– Знаю я это, – сказал он, – знаю этот обман и удивляюсь тому, что такой умный человек, как ты, может попасться в такую ловушку.

– Я не понимаю тебя. В чем ловушка?

– Всё дело в жизни, и вот они, эти софисты³ и бунтовщики против людей и богов предлагают счастливый путь жизни. Под таким путем жизни они разумеют такой путь жизни, при котором все люди были бы счастливы – не было бы ни войн, ни казней, ни бедности, ни распутства, ни ссор, ни злобы. И они утверждают, что такое состояние людей будет тогда, когда люди будут исполнять заповеди Христа: не ссориться, не блудить, не клясться, не насиливать, не враждовать народу против народа. Но они ошибаются или обманывают тем, что они цель принимают за средство. Цель в том, чтобы не ссориться, не клясться, не блудить и т. д., и эта цель достигается только средствами общественной жизни. А то они говорят почти то же, что сказал бы учитель стрельбы, сказав: в цель ты попадешь тогда, когда стрела твоя будет лететь по прямой линии к цели. Да как сделать, чтобы она летела по прямой – в этом задача. И задача эта достигается в стрельбе тем, что тетива натянута, лук упруг, стрела прямая. То же и с жизнью людей. Наилучшая жизнь людей, такая, при которой не надо ссориться, блудить, убивать – достигается тем, чтобы была тетива – правители, упругость лука – сила власти, и прямая стрела – справедливость законов. Они же под предлогом лучшей жизни разрушают всё то, что улучшило и улучшает жизнь. Они не признают ни правителей, ни власти, ни законов.

– Но они утверждают, что без правителей, власти и законов жизнь будет лучше, если люди будут исполнять закон Христа.

– Да, но что речется, что люди будут исполнять его? Ничто? Они говорят: вы испытали жизнь при власти и законах, и жизнь не стала совершенной, испытайте же отсутствие власти и законов, и жизнь станет совершенной. Вы не имеете права отрицать этого, потому что вы не испытывали. Но тут-то явен софизм этих безбожников. Говоря так, разве они не то же говорят, что сказал бы человек земледелец; ты сеешь в землю и закрываешь семена, и всё-таки урожай не таков, какого бы ты хотел; а я советую тебе, сей в море, тогда будет лучше. И ты не имеешь права отрицать мое положение, потому что ты его не испытывал.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
– Да, это справедливо, – сказал начавший колебаться Юлий.

– Но мало этого, – продолжал врач. – Допустим нелепое, невозможное, что основы христианского учения могут быть сообщены всем людям приемом каких-нибудь капель, и что вдруг все люди будут исполнять учение Христа, любить Бога и ближнего и исполнять заповеди; допустим это, и всё-таки путь жизни по их учению не выдерживает разбора. Жизни не будет и жизнь прекратится. Учитель их был холостой бродяга, такими будут и последователи его, по нашему предположению – и весь мир. Теперь живущие проживут, но дети их не выживут или выживет один из десяти. По учению их, все дети должны быть равны – для каждой матери и отца – свои и чужие. Как же уберегутся эти дети, когда мы видим, что вся страсть, любовь к этим детям, вложенная в матерей, едва охраняет детей от погибели, что же будет, когда это будет одно сожаление, равное ко всем детям? Какого взять и сохранять ребенка? Кто будет просиживать ночи с больным вонючим детищем, кроме матери? Природа сделала броню ребенку – любовь матери; они снимают ее, ничем не заменяя. Кто выучит сына, кто вникнет в его душу, как не отец его? Кто предотвратит от опасностей? Это всё устраниется. Устраниается вся жизнь, т. е. продолжение рода человеческого.

– И это справедливо, – сказал Юлий, увлеченный красноречием врача.

– Нет, друг мой, оставь бредни и живи разумно, особенно теперь, когда на тебе лежат такие великие, важные и настоятельные обязанности. Исполнение их есть дело чести. Ты дожил до второго периода сомнений, но иди дальше, и сомнений не будет. Первая и несомненнейшая твоя обязанность – это воспитание детей, которым ты пренебрег. Обязанность твоя в отношении их есть то, чтобы сделать их достойными слугами республики. Республика дала тебе всё, что ты имеешь, ты должен и сам служить ей и дать ей достойных слуг в своих детях. Этим же самым ты даешь благо и детям. Другая твоя обязанность – это служение обществу. Тебя огорчила и разочаровала твоя неудача – это случайность временная. Без усилий и борьбы ничего не достается. И радость торжества только тогда, когда победа была трудна. Предоставь твоей жене забавляться болтовней христианских писаний. Ты же будь мужем и воспитай детей быть мужами. Начни эту деятельность сознанием своего долга и отпадут все твои сомнения. Они и пришли к тебе от болезненного состояния. Исполни свои обязанности по отношению к республике своим служением ей и приготовлением своих детей к этой службе; поставь их на ноги, чтобы они могли заменить тебя, и тогда спокойно отдавайся той жизни, которая влечет тебя, а до тех пор ты не имеешь права, да если бы отдался, то ничего не нашел бы, кроме страдания.

VIII.

Лекарственные ли травы или советы мудрого врача подействовали на Юлия, но очень скоро он ободрился и его мысли о христианской жизни показались ему бредом.

Врач, пробыв несколько времени, уехал. Юлий же скоро после него встал и, пользуясь его советами, начал новую жизнь. Он взял учителя для детей и сам следил за их учением. Свое же время всё проводил в общественных делах, и очень скоро приобрел в городе большое влияние.

Так прожил Юлий год, и в этот год ни разу не вспомнил даже о христианах. Но по истечении года назначен был в их городе суд над христианами.

В Киликию приехал посланный от римского императора для подавления христианской проповеди. Юлий слышал о мерах, принимаемых против христиан, и полагая, что это не коснется христианской общины, в которой жил Памфилий, не думал о нем. Но однажды, когда шел по площади в место своего управления, к нему подошел пожилой, бедно одетый человек, которого он не узнал сначала. Это был Памфилий. Памфилийшел к нему.

– Здравствуй, друг, – сказал он ему. – У меня к тебе есть великая просьба, но не знаю, захочешь ли ты во время теперешнего гонения на христиан признавать [меня] своим другом, и не боишься ли ты потерять свое место сношениями со мной.

– Я никого не боюсь, – отвечал Юлий, – и в доказательство прошу тебя идти со мной ко мне. Я пропущу даже свое дело на площади с тем, чтобы говорить с тобой и быть тебе полезным. Пойдем со мной. Чей это ребенок?

– Это сын мой.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

– Впрочем, я бы мог не спрашивать. Я узнаю твое лицо в нем. Узнаю и эти голубые глаза и могу не спрашивать о том, кто твоя жена. Это та красавица, которую я шесть лет тому назад видел с тобой. Это ее глаза.

– Ты угадал, – отвечал Памфилий. – Скоро после того, как мы виделись с тобой, она стала моей женой.

Друзья вошли в дом Юлия. Юлий вызвал жену и отдал ей мальчика, а сам провел Памфилия в свою роскошную, уединенную комнату.

– Здесь ты можешь всё говорить, никто не услышит нас, – сказал Юлий.

– Я не боюсь того, чтобы меня услышали, – отвечал Памфилий. – Даже просьба моя состоит не в том, чтобы тех христиан, которые взяты, не судили и не казнили, а только в том, чтобы им позволили всенародно высказать свою веру.

И Памфилий рассказал о том, что христиане, взятые властями, из темницы дали знать о своем положении в свою общину.

Старец Кирилл, зная об отношениях Памфилия к Юлию, поручил Памфилию идти просить за христиан.

Христиане не просили о помиловании. Они считали призванием своей жизни: свидетельство истины учения Христа. Они могли свидетельствовать это длинной, 80-летней жизнью, или свидетельствовать то же самое мученичеством. То и другое им было безразлично, и смерть плотская, неизбежная для них, была одинаково не страшна и радостна сейчас или через 50 лет; но им желалось, чтобы жизнь их служила бы на пользу людям, и потому они послали Памфилия хлопотать о том, чтобы суд и казнь были при народе.

Юлий подивился просьбе Памфилия, но обещался сделать всё, что от него зависит.

– Я обещал тебе свое заступничество, – сказал Юлий, – но я обещал тебе его по моей дружбе к тебе и тому особенному добруму чувству размягчения, которое ты всегда вызываешь во мне; но должен признаться тебе, что учение ваше я считаю самым безумным и зловредным. Я могу судить про это, потому что сам очень недавно в минуты разочарования и болезни, в упадке духа, разделял опять ваши взгляды и опять чуть было не бросил всё и не ушел к вам. Я знаю, на чем зиждется ваше заблуждение, потому что прошел через него – на любви к себе, на слабости духа и на болезненном расслаблении. Это вера баб, а не мужей.

– Но почему же?

– А потому что, признавая то, что в природе человека лежит раздор и вытекающие из него насилия, вы хотите не принимать в них участия; предавать их другим и, не внося своего участия, пользоваться устройством мира, основанным на насилии. Разве это справедливо? Мир всегда стоял тем, что были властители. Властители эти брали на себя весь труд и всю ответственность, ограждали нас от внешних и внутренних врагов. И взамен этого мы, подданные, покорялись этим властителям, воздавали им почести или помогали им в их служении.

Вы же из гордости, вместо того, чтобы своим трудом участвовать в делах республики и по мере заслуг подниматься трудом выше и выше вувзении людей, вы сразу, по своей гордости, признаете всех людей равными, для того, чтобы никого не считать выше себя, а считать себя равными Кесарю. Вы сами так думаете и учите так других. И для слабых и ленивых соблазн этот велик. Вместо труда, всякий раб сразу считает себя равным Кесарю. Но мало этого: вы отрицаете и подати, и рабство, и суд, и казни, и войну, – всё то, что держит вместе людей. Если бы люди послушали вас, общество бы распалось и мы бы вернулись к временам дикости. Вы в государстве проповедуете разрушение государства. Но самое существование ваше обусловлено государством. Не будь этого, и вас бы не было. Вы бы все были рабами скифов или первых дикарей, которые бы узнали о вашем существовании.

Вы – как нарвы, разрушающий тело, но могущий появиться и питаться только телом. И живое тело борется с ним и подавляет его. То же делаем и мы с вами и не можем не делать. И, несмотря на обещание мое помочь тебе в исполнении вашего желания, я смотрю на ваше учение, как на самое вредное и низкое. Низкое потому, что я

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru считаю, что грызть ту грудь, которая тебя питает, не честно, не справедливо пользоваться благами республики и, не принимая участия в том устройстве, которым она держится, разрушать ее.

– В твоих словах, – сказал Памфилий, – было бы много справедливого, если б действительно мы так жили, как ты думаешь. Но ты не знаешь нашей жизни, и составил себе ложные представления о ней.

Те средства к жизни, которыми мы пользуемся для себя, достижимы без помощи насилия. Человек так устроен, что в здоровом состоянии он может своими руками заработать гораздо больше того, что необходимо для его жизни. Живя же вместе, мы в состоянии трудом сообща прокормить наших детей и старииков, больных и слабых.

Ты говоришь о властителях, что они ограждают людей от внешних и внутренних врагов. Но мы любим врагов, и потому у нас нет их. Ты говоришь, что мы, христиане, возбуждаем в рабе желание быть Кесарем. Напротив того, и словом и делом мы проповедуем одно: терпеливое смирение и труд, – самый простой, считающийся низким, труд рабочего человека.

Мы не знаем и не понимаем ничего в государственных делах. Мы знаем одно, и знаем это несомненно, что благо наше только там, где благо других людей, и мы ищем этого блага. Благо же всех людей в их единении. Единение же достигается не насилием, но любовью. Насилие разбойника над прохожим для нас так же возмутительно, как насилие войска над пленным, судьи над казненным, и мы не можем сознательно участвовать ни в том, ни в другом. Пользоваться же без труда насилием мы не можем. Насилие отражается на нас. Но наше участие в насилии состоит не в приложении его, а в покорном перенесении его над собою.

– Да, – прервал его Юлий, – но вы только делаете вид, что вы мученики и рады гибнуть за истину; но истина не на вашей стороне; вы гордые безумцы, разрушающие все основы общественной жизни. Вы на словах проповедуете любовь, но если разобрать то, что вытекает из вашей любви, то выходит совсем другое – из нее вытекает варварство, возвращение к дикому состоянию убийства, насилия, грабежа, которые, по вашему учению, не должны быть ничем сдержаны.

– Нет, это не так, – сказал Памфилий. – И если только ты действительно захочешь внимательно и беспристрастно разобрать то, что вытекает из нашего учения и нашей жизни, то сам увидишь, что не только из них не вытекают убийства, насилия и грабежи, но, наоборот, успешно бороться с подобными преступлениями возможно только теми средствами, которые мы применяем. Убийство, грабежи и всяческое зло было всегда в мире и до христианства; и с ними люди всегда боролись, только безуспешно, теми средствами, которые мы отрицаем. Средства эти, отвечающие насилием на насилие, не сдерживают преступлений, а только возбуждают их, распространяя среди людей ожесточение и злобу.

Взгляни на могущественное римское государство. Ни в какой другой стране не хлопочут столько о законах, сколько в Риме. Изучение и совершенствование законов там возведены даже в особую науку. Законы преподаются в школах, обсуждаются в сенате, самые способные граждане занимаются их улучшением и применением. Законное правосудие считается вышею доблестию, и должность судьи пользуется особым почетом, между тем всем известно, что в настоящее время нет на свете города, более погрязшего в разврате и преступлениях, чем Рим. Вспомни историю Рима, и тебе бросится в глаза, что народ римский в прежние более первобытные времена отличался добродетелями, несмотря на то, что тогда законы не были еще выработаны. В наше же время, рядом с изучением, улучшением и применением законов, нравы римлян всё больше и больше развращаются, число преступлений всё увеличивается, и самые виды преступлений становятся более разнообразными и искусными.

Да иначе и быть не может. Успешно бороться с преступлениями, как и со всяkim злом, возможно только христианским орудием – любви, а не языческим орудием мести, наказания, насилия. Я думаю, что ты и сам желал бы, чтобы люди не из страха наказания воздерживались от зла, но чтобы они не хотели делать зло. Неужели ты желал бы, чтобы люди походили на тех заключенных в тюрьмах, которые только потому не делают зла, что их сторожат часовые? Законами предупреждения, пресечения и наказания не сделается того, чтобы люди хотели не делать зла, а хотели бы делать добро. Достигать этого можно только тогда, когда борешься со злом в самом его корне, лежащем внутри человека. Мы так и делаем, а вы боретесь

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru только с наружными последствиями зла. До самого же его источника вы не можете добраться, потому что не ищете его и не знаете, где он.

Самые обыкновенные и часто повторяющиеся преступления, как убийства, грабежи, кражи, обманы, вытекают из стремления людей увеличивать свой достаток, а иногда даже – только приобрести необходимое пропитание, которое почему-либо не дается другим путем. Из этих преступлений некоторые караются законом, хотя самые сложные и обширные по своему значению совершаются под крылом этого же закона, как-то: крупные торговые обманы и вообще все разнообразные виды обирания бедных богатыми. Те из этих преступлений, которые караются законом, этим действительно несколько сдерживаются или, вернее, затрудняются некоторые простые виды преступлений, и преступники из опасения наказания действуют осторожнее и искуснее, изобретая новые виды преступлений, неуловимые законом. При христианской же жизни человек самым своим образом жизни предохраняет себя от таких преступлений, вызываемых, с одной стороны, погонею за наживою, а с другой – неравномерным скоплением наживы в одних руках. Мы сдерживаем преступления других, грабежи и убийства только тем, что, пользуясь для самих себя только самым необходимым для жизни и отдавая другим весь свой свободный труд, мы, христиане, не соблазняем других накопленными богатствами, редко имея под руками больше того, что нужно для нашего дневного пропитания. Голодный человек, впадающий в отчаяние и готовый совершить преступление ради куска хлеба, если придет к нам, то без всякого преступления найдет у нас то, что ему нужно, так как мы для того и живем, чтобы делиться последним с голодными и холодными. И выходит, что одни преступники сами удаляются от нас, а другие сближаются с нами, находят свое спасение и перестают быть преступниками, понемногу становясь работниками, трудающимися на общую пользу людей.

Другой разряд преступлений вызывается необузданностью страстей, например, ревностью, местью, животной любовью, гневом, ненавистью. Подобные преступления никогда не сдерживаются законами. Человек, совершающий их, находится в животном состоянии полной разнозданности какой-либо страсти и не может соображать о последствиях своего поступка. Препятствие только разжигает его страсть. А потому помочь законов невозможно бороться с такими преступлениями. Мы же действительно боремся с ними. Мы веруем, что только в духе человек найдет удовлетворение и смысл своей жизни, и что, служа своим страстям, он не может получить удовлетворения. Мы сами укрощаем свои страсти трудовою, любовною жизнью и развиваем в себе силу духа; и чем больше разрастется наше число, чем шире и глубже распространится наша вера, тем неизбежнее уменьшится число таких преступлений.

Наконец третий разряд преступлений совершается из желания помочь людям. Из желания облегчить участь народа, некоторые люди, заговорщики, убивают тирана, думая, что они этим помогут большинству. Источник таких преступлений лежит в том, что люди думают, что можно при помощи зла творить добро. Эти преступления из-за идеи не только не сдерживаются применением к ним законной кары, но, наоборот, только поощряются и распространяются карательными мерами. Сами люди, совершающие подобные преступления, хотя и заблуждаются, но действуют под влиянием доброго побуждения, из желания служить людям. Они люди искренние, готовые жертвовать собою и не отступающие ни перед какими опасностями. И потому страх наказания не сдерживает их. Наоборот, опасности их воодушевляют, и страдания и казнь возводят их в положение героев, привлекают к ним сочувствие других людей и увлекают других на тот же путь. Это мы видим в истории всякого народа. Мы, христиане, веруем, что зло пройдет только тогда, когда все поймут несчастье, неизбежно вытекающее из него для себя и для других. Мы знаем, что братство достигается только тогда, когда каждый из нас будет братом, – что нельзя устроить братство без братьев. И мы, хотя видим заблуждение заговорщиков, но ценим их искренность и самоотречение и сближаемся с ними в том хорошем, что в них есть. Они же видят в нас не врагов, а людей таких же искренних и желающих добра людям, как и они, и многие из них переходят на нашу сторону, убеждаясь в том, что тихая трудовая жизнь, проводимая в неотступной заботе о других, несравненно и полезнее для людей и труднее их минутных подвигов, сопряженных с человеческими жертвами. И такие люди, примкнувшие к нам, оказываются одними из самых деятельных и сильных духом изо всех братьев в наших общинах.

Кто же успешнее борется с преступлениями всякого рода и больше содействует их искоренению, мы ли, христиане, показывающие радостность духовной жизни, из которой не вытекает зла, мы, действующие примером и любовью, – или же ваши правители и судьи, постановляющие приговоры по букве мертвого закона и в конец

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyeo.ru
губящие своих жертв или доводящие их до самого крайнего ожесточения?

– Когда послушаешь тебя, – сказал Юлий, – то выходит, как будто вы и правы. Но скажи же мне, Памфилий, – почему люди относятся к вам враждебно, преследуют вас, гонят и убивают? Почему из вашего учения любви вытекает раздор?

– Причина этому не в нас самих, а вне нас. Сейчас я говорил о таких преступлениях, которые признаются преступлениями одинаково и государством и нами. Эти преступления представляют такой вид насилия, который нарушает временно установленные законы какой-либо страны. Но помимо этих законов, люди сознают в себе еще другие законы вечные, общечеловеческие, написанные в сердцах всех людей. Мы, христиане, подчиняемся этим божеским общечеловеческим законам, признавая в словах и жизни нашего учителя наилучшее, самое ясное и полное их выражение. А потому в наших глазах преступление есть всякое насилие, нарушающее заповеди Христа, так как они выражают закон Божий. Мы признаем, что, ради возможного избежания вражды против нас, нам следует исполнять и государственные законы той страны, в которой мы живем; но мы ставим выше всего закон божеский, управляющий нашей совестью и разумом, мы можем исполнять только те государственные законы, которые не противны Божескому. Кесарево – Кесарю, а Божье – Богу. Мы имеем в виду не только преступления законов одного какого-либо государства, в пределах которого мы случайно родились и должны жить; но прежде всего избегаем преступлений против воли Божьей, общей всей природе человеческой. И потому наша борьба с преступлениями и шире и глубже вашей – государственной. И вот это самое признание нами закона Божеского за высший закон тревожит и возмущает людей, ставящих выше всего какой-нибудь частный закон, например, закон своего государства или даже, как часто бывает, возводящих в закон обычай своей среды. Не желая или не будучи в состоянии стать людьми в настоящем смысле, в том смысле, в котором Христос говорил, что истина сделает нас свободными, эти люди ограничиваются положением подданного того или другого государства или члена общества, и потому естественно питают вражду к тем, которые видят и признают более высокое назначение человека. Не желая или не будучи в состоянии сами сознать это высшее назначение, они не допускают его для других. О них и говорил Христос: «Горе вам, законники, что вы взяли ключи разумения; сами не вошли и входящим воспрепятствовали». От них-то и исходят те гонения против нас, которые тебя смущают.

Мы сами ни к кому не питаем вражды, даже и к тем, которые нас гонят, и наш образ жизни никому не наносит ни вреда, ни ущерба. Если люди раздражаются против нас и даже питают к нам вражду, то это может быть только оттого, что наша жизнь колет им глаза, обличая их жизнь, основанную на насилии. Прекратить такую вражду против нас, исходящую не от нас, мы не имеем возможности, потому что не можем перестать понимать ту истину, которую мы поняли, – не можем зажить противно нашей совести и нашему разуму. Про эту самую вражду, которую наша вера вызывает в других против нас, наш учитель сказал: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч». Христос испытывал на себе эту вражду и нас, своих учеников, не раз предупреждал о ней. «Меня, говорил он, мир ненавидит, потому что я свидетельствую о нем, что дела его злы». «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое, а как вы не от мира, но я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир». «Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу». Но, как и Христос, мы не боимся убивающих тело, и потом не могущих ничего более сделать. Освещенные светом истины, мы живем в этом свете, и жизнь эта не знает смерти. Плотские же страдания и смерть не минуют никакого человека. Придется в свое время и нашим палачам страдать телом и умирать; и ужас берет, когда подумаешь, как мучиться они будут, несчастные, беспомощные перед плотской смертью, теряя в ней все то, чего они с такими хлопотами, с такими напряженными усилиями достигли в течение всей своей жизни. От этих ужаснейших из всех страданий мы, слава Богу, предохранены, так как счастье для нас лежит не в том, чтобы не страдать телом и не умирать, а в том, чтобы, возвысив в себе жизнь духа, сохранять свое равновесие при всех обстоятельствах – радостно сознавать разумность и неизбежность для нас всего того, что помимо нашей воли происходит с нами и, главное, знать, что мы верны нашей совести и разуму, этим высшим дарам, вложенным в человека самим источником истины. И мы не страдаем от наших гонителей, враждающих против нас. Страдаем не мы, а они страдают от их чувства вражды и ненависти, которое они, как змею на груди, взлелеяли в своем сердце. «Суд над нами состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела их были злы». Смущаться тут нечего, потому что истина берет свое. «Овцы слышат голос пастыря и идут за ним, потому что знают голос его».

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyeo.ru

«И не гибнет стадо Христово, а растет, привлекая к себе новых овец со всех сторон земли, ибо дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, хотя и не знаешь, откуда приходит и куда уходит».

– Да, – прервал его Юлий, – но много ли искренних между вами? Часто вас обвиняют в том, что вы только делаете вид, что вы мученики и рады гибнуть за истину, но истина не на вашей стороне, вы – гордые безумцы, разрушающие все основы общественной жизни.

Памфилий ничего не отвечал и с грустью глядел на Юлия.

IX.

В то время, как Юлий говорил это, в комнату вбежал маленький сын Памфилия и прижался к отцу. Несмотря на все ласки жены Юлия, он убежал от нее и прибежал к отцу.

Памфилий вздохнул и приласкал сына и поднялся, но Юлий удержал его, прося оостаться и еще побеседовать и пообедать.

– Меня удивляет, – сказал Юлий, – что ты женился и имеешь детей. Я не могу понять, каким образом вы, христиане, можете при отсутствии собственности воспитывать детей. Каким образом ваши матери могут жить спокойно, зная необеспеченность и беспомощность своих детей.

– Почему же наши дети менее обеспечены, чем ваши?

– Да потому, что у вас нет рабов, нет имущества. Жена моя очень склонна к христианству; она даже одно время хотела бросить эту жизнь. Это было шесть лет тому назад. Я хотел с нею вместе уйти. Но прежде всего ее испугала та необеспеченность, та нужда, которая предстояла детям, и я не мог не согласиться с нею. Это было во время моей болезни. Вся моя жизнь опротивела мне, и я хотел всё бросить. Но тут страх жены, и с другой стороны разъяснения врача, который лечил меня, убедили меня, что христианская жизнь, как вы ее ведете, возможна и хороша для несемейных, но что семейным людям, матерям с детьми, в ней нет места. Что при жизни, как вы ее понимаете, жизнь, т. е. род человеческий должен прекратиться. И это совершенно справедливо. Поэтому появление тебя с ребенком особенно удивило меня.

– Не только один ребенок. Дома остался еще один, грудной и 3-х летняя девочка.

– Объясни же мне, как это делается. Я пять лет тому назад был готов бросить всё и идти к вам. Но у меня были дети, и я понял, что, как бы ни хорошо было мне, я не имел права жертвовать детьми, и остался для них жить попрежнему, чтобы вырастить их в тех условиях, в которых я сам вырос и жил.

– Странно, – сказал Памфилий. – Мы рассуждаем совершенно обратно. Мы говорим: если бы взрослые люди жили по-мирски – это еще можно простить, потому что они уже испорчены; но дети?

Это ужасно! жить с ними в миру и соблазнять их! «Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит».

Так говорит наш учитель, и потому, не для возражения я говорю это, а потому что это действительно так – самая главная необходимость жить так, как мы все живем, вытекает для нас из того, что среди нас есть дети, те существа, про которых сказано: «Если не будете как дети, не войдете в царство небесное».

– Но как может христианское семейство не иметь определенных средств к жизни?

– Средство к жизни по нашей вере есть только одно: любовная работа на людей. Ваше же средство есть насилие. Оно может уничтожиться, как уничтожаются богатства, и тогда остается одна работа и любовь людей. Мы считаем, что то, что есть основа всего, того и надо держаться, увеличивая его. И когда это есть, то семья живет и даже благоденствует.

Нет, – продолжал Памфилий – если бы я сомневался в истинности учения Христа и
Страница 25

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru если колебался бы в исполнении его, то и сомнение и колебания мои кончились бы тотчас, если бы я подумал об участии детей, воспитанных в язычестве, в тех условиях, в которых ты вырос и растут твои дети. Какие бы мы, некоторые люди, ни делали устройства жизни – с дворцами, рабами и произведениями чуждых стран, привозимыми к нам, жизнь большинства людей всё-таки остается такою, какая она есть, какой она должна быть. Обеспечение этой жизни остается всегда одно: любовь людей и труд. Мы хотим сами освободить себя и своих детей от этих условий и посредством насилия – не любовно заставляем людей служить нам, и – удивительное дело! – чем больше мы, как будто, обеспечиваем себя, этим мы тем больше лишаем себя истинного естественного и вечного обеспечения – любви. Чем больше власть владыки, тем меньше к нему любви.

То же и с другим обеспечением – трудом. Чем больше человек избавляет себя от труда и приучается к роскоши, тем менее он становится способным к труду; тем более лишается истинного и вечного обеспечения. И эти-то условия, в которые люди ставят детей своих, они называют обеспечением. Возьми твоего сына и моего и пошли их теперь найти дорогу, передать распоряжение, сделать нужное дело, и посмотри, который из двух лучше сделает; а попробуй отдать их на воспитание, – которого из двух охотнее возьмут? Нет, не говори этих ужасных слов, что христианская жизнь возможна только для бездетных. Напротив, можно сказать, языческой жизнью жить простительно только бездетным. Но горе тому, кто соблазнит единого из малых сих.

Юлий молчал.

– Да, – сказал он, – может, ты и прав, но воспитание детей начато, лучшие учителя учат их. Пускай они узнают всё, что мы знаем. Вреда от этого не может быть. А для меня и для них время есть еще. Они могут прийти к вам, когда будут в силе, если найдут это нужным. Я же могу сделать это, когда поставлю на ноги детей и останусь свободным.

– Познаете истину и свободны будете, – сказал Памфилий. Христос дает сразу полную свободу; мирское учение никогда не дает ее. Прощай.

И Памфилий ушел с сыном.

Суд состоялся гласный, и Юлий видел на нем Памфилия, как он с другими христианами убирал тела мучеников. Он видел его, но, опасаясь высшей власти, не подошел к нему и не подозвал к себе.

Х.

Прошло еще двенадцать лет. Жена Юлия умерла. Жизнь его текла в заботах общественной деятельности и в поисках за властью, которая то давалась ему, то ускользала от него. Состояние его было велико и еще увеличивалось.

Но сыновья его выросли, и особенно второй, стал вести роскошную жизнь. Он делал дыры в дне ведра, в которое собиралось состояние, и по мере увеличения состояния увеличивалась быстрота течения из дыр. Началась у Юлия борьба с сыновьями такая же, какая была у него самого с отцом. Злоба, ненависть, ревность. К этому же времени новый император лишил Юлия своих милостей. Юлий был заброшен прежними льстецами и ему предстояло изгнание. Он поехал объясняться в Рим. Его не допустили и велели уехать.

Приехав домой, он застал сына с распутными юношами в доме. В Киликии прошел слух, что Юлий умер, и сын праздновал смерть отца. Юлий вышел из себя, ударил сына так, что он упал замертво, и ушел в покой жены. В покоях жены он нашел Евангелие и прочел: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

«Да, – подумал Юлий, – давно уж он зовет меня. Я не верил Ему и был непокорен и зол, и иго мое было тяжело и бремя мое было зло».

Долго просидел Юлий с развернутым списком Евангелия на коленях, размышляя о всей протекшей жизни и вспоминая то, что в разное время говорил ему Памфилий.

Потом Юлий встал и пошел к сыну. Он застал своего сына на ногах и нескованно обрадовался тому, что не нанес ему повреждений своим ударом.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Не говоря сыну ни слова, Юлий вышел на улицу и пошел по направлению к христианской общине.

Он шел весь день и вечером остановился ночевать у поселянина. В комнате, в которую он вошел, лежал человек. При шуме шагов человек поднялся.

Это был врач.

– Нет, теперь уж ты не отговоришь меня, – закричал Юлий. – Я третий раз иду туда же и знаю, что там только найду успокоение.

– Где? – спросил врач.

– У христиан.

– Да, может быть, найдешь успокоение, но ты не исполнишь своей обязанности. В тебе нет мужества, несчастья побеждают тебя. Не так поступают истинные философы. Несчастья – это только огонь, которым испытывают золото. Ты прошел через горнило. И теперь-то ты и нужен, и теперь-то ты и бежишь. Теперь-то испытай людей и себя. Ты приобрел истинную мудрость и ее-то должен употребить на благо республики. Что бы было с гражданами, если бы те, которые познали людей, их страсти и условия жизни, вместо того, чтобы нести свои знания, свою опытность на пользу общества, зарывали бы их в поисках за успокоением. Жизненная мудрость твоя приобретена в обществе, и ее ты должен отдать тому же обществу.

– Но у меня никакой мудрости нет. Я весь в заблуждениях. Они стары, но от этого не стали мудростью. Как вода, как бы она ни была стара и гнила, она не станет вином.

Так сказал Юлий и, схватив свой плащ, вышел из дома и, не отдохшая, пошел дальше.

В конце другого вечера он пришел к христианам. Его приняли радостно, хотя и не знали, что он друг всеми любимого и уважаемого Памфилия.

За трапезой Памфилий увидел своего друга и с радостной улыбкой подбежал к нему и обнял его.

– Вот я и пришел, – сказал Юлий, – скажи, что мне делать, я буду слушаться тебя.

– Не заботься об этом, – сказал Памфилий. – Пойдем со мной.

И Памфилий провел Юлия в дом, где жили приходящие, и, указав ему постель, сказал:

– Чем ты можешь служить людям, ты сам увидишь, когда успеешь приглядеться к нашей жизни; но чтобы знать, куда сейчас определить свой досуг, я укажу тебе на завтра дело. В садах наших идет сбор винограда, иди и подсобляй там. Ты сам увидишь, где тебе место.

На утро Юлий пошел в виноградник. Первый был виноградник молодой, обвешанный гроздьями. Молодые люди обирали и снимали его. Все места были заняты, и, походив долго везде, Юлий не нашел себе места.

Он пошел дальше; это был виноградник более старый, плодов было меньше; но и тут нечего было делать Юлию – все работали попарно, и ему не было места. Он прошел еще дальше и вошел в уже перестаревший виноградник. Он был весь пустой. Лозы были корявые, кривые и, как казалось Юлию, все пусты.

Так вот что, моя жизнь, – сказал он себе. – Если бы я пришел в первый раз, она была бы, как плоды первого сада. Если бы я пришел, когда пошел во второй раз, – она была бы, как плоды второго сада, а вот моя жизнь – она, как эти ненужные, состаревшиеся лозы, годные только на топливо.

Испугался Юлий того, что он сделал, испугался того наказания, которое ждет его за то, что ни за что погубил всю свою жизнь.

И опечалился Юлий и говорил:

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
«Никуда я не годен и ничего не могу сделать теперь». И не поднимался с места и
плакал о том, что погубил он то, чего возвратить уже нельзя было.

Но вдруг услыхал он старческий голос, звавший его:

– Трудись, брат милый, – говорил голос.

Юлий оглянулся и увидел согнутого годами белого, как лунь, старию, насили
передвигавшего ноги. Он стоял у лозы и собирая с нее кое-где оставшиеся сладкие
гроздья. Юлий подошел к нему.

– Трудись, милый брат. Труд радостный.

И он указал ему, как отыскивать оставшиеся кое-где гроздья. Юлий пошел искать,
нашел несколько и принес и сложил в корзину к старцу.

И сказал ему старец:

– Посмотри: чем хуже эти гроздья тех, которые собирали в тех садах?

«Ходите в свете, пока есть свет в вас», сказал наш учитель. «Воля пославшего
меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную, и
Я воскрешу его в последний день». Ибо не послал Бог Сына своего в мир, чтобы
судить мир, но чтобы мир спасен был через Него. Верующий в Него не судится, а не
верующий уже осужден, потому что не уверовал в единородного Сына Божия. Суд же
состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет,
потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий худые дела, ненавидит свет, и
не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы. А поступающий
по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге сделаны.

Ты опечален тем, что не сделал больше того, что сделал. Не печалься, сын мой. Мы
все сыны Бога и слуги Его. Мы все одно войско Его. Что же, разве, кроме тебя,
думаешь, нет слуг Ему? И что ж, если бы ты во всей силе своей отдался служению
Его, разве бы ты все сделал, что нужно Ему, все то, что должно делать людям,
чтобы установить царство Его?

Ты говоришь, что ты сделал бы вдвое, вдесятеро, в сто раз больше. Да если бы ты
в тьмы-тем больше всех людей сделал, – что бы это было в деле Божьем? Ничто.
Делу Божьему, как и Богу, нет пределов и нет конца. Дело Божье в тебе. Ты приди
к нему и стань не работником, но сыном, и ты станешь участником беспредельного
Бога и дела Его. У Бога нет малого и большого, и в жизни нет малого и большого,
а есть только прямое и кривое. Войди в прямой путь жизни, и ты будешь с Богом, и
дело твое станет не малым и не большим, а станет делом Божиим. Вспомни, что на
небе больше радости за одного грешника, чем за сто праведников. Мирское дело,
все то, что ты пропустил, показало тебе только грех твой. А когда ты увидел грех
твой, ты и покаялся. А как ты покаялся, так ты нашел прямой путь. А нашел прямой
путь, иди по нем с Богом, и не думай о прошлом, о большом и малом. Для Бога все
живые равны. Один Бог и одна жизнь.

И успокоился Юлий, и стал жить и работать по силе, по мочи для братьев своих. И
прожил так в радости еще двадцать лет и не видел, как умер плотской смертью.

–

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ
[ВАРИАНТЫ К «БЕСЕДЕ ДОСУЖИХ ЛЮДЕЙ» И «ХОДИТЕ В СВЕТЕ ПОКА ЕСТЬ СВЕТ».]
Стр. 247, строка 18.

После: развиваешься – в рукоп. № 2: и потому тебе не нужно действовать и
начинать новое. Мы старые руководимъ тебя въ твоемъ развитіи.

Стр. 247, строка 20.

После: к тому силы – в рукоп. № 2: но теперь ты обманешь самъ себя.

Стр. 251, строка 21.

Вместо: было не выгодно – кончая: установленному порядку – в рукоп. № 2: не
Страница 28

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru должно было. А надо было подчиняться всему, требуемому жизнью.

Стр. 256, – строка 8 – стр. 257, строка 23.

От слов: Он как будто боялся – кончая: нужны были деньги – в рукоп. № 4 зачеркнуто вертикально, потом восстановлено и написано рукой не Толстого: «надо».

Стр. 257, строка 7.

Вместо: чашу своего – в рукоп. № 3: бутылку простого.

Стр. 257, строка 9.

Вместо: чаши – в рукоп. № 3: бутылки

Стр. 257, строка 15.

Вместо: их – в рукоп. № 3: удовольствія, а чтобы увеличивать ихъ.

Стр. 257, строка 24.

Перед словами: был богат – в рукоп. № 3: торговалъ драгоценными каменьями.

Стр. 258, строка 1.

Вместо: понадобилось еще более – в рукоп. № 3: до зарезу понадобились

Стр. 258, строка 7.

Вместо: деньги – в рукоп. № 3: 100 талантовъ

Стр. 258, строки 7–8.

Вместо: она не достанет... кончая: убьет себя – в рукоп. № 3: она не получить ихъ, онъ бросится на мечъ и погубить себя.

Стр. 259, строка 1.

Слов: сказал отец – в рукоп. № 3 нет; в рукоп. № 4 они подчеркнуты синим карандашом и отмечены числом 10.

Стр. 259, строки 9–10.

Вместо: тайно передала... кончая: у мужа – в рукоп. № 3: в ящике подала ему драгоценные каменья, к[оторыя] она тайно унесла отъ мужа.

Стр. 260, строка 1.

Вместо: Перебирая свою жизнь – в рукоп. № 3: Нъчто одинъ Памф[илій] б[ылъ] такой, к[оторый] бы не желалъ его смерти.

Стр. 260, строки 3–7.

Вместо: И ему пришло в голову... кончая: не любил никого – из рукоп. № 4, в рукоп. № 3: И ему представился выходъ изъ своего положенія, но онъ надолго не остановился на этой мысли и продолжалъ обдумывать свое положеніе и свое отношение къ людямъ.

Стр. 260, строка 24.

После: злой жизни, – в рукоп. № 3: отца ненавижу и

Стр. 260, строка 28.

Слова: о том – в рукоп. № 4 подчеркнуты синим карандашом и отмечены числом 12.

Стр. 260, строка 39.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

После: учитель – в рукоп. № 3: Ужъ этого довольно, чтобы убѣдить. Но тутъ еще и въ душѣ я только предчувствуя это учене, чувствуя радость и надѣжду.

Стр. 261, строки 34–35.

Вместо: природы человека. Совершенным – в рукоп. № 3: По ихъ ученью, совершенныи.

Стр. 262, строка 32.

Вместо: для благосостояния людей им не надо питаться – в рукоп. № 3: если бы мы сказали, заботясь о благосостояніи людей, что людямъ не надо питаться. В рукоп. № 4, эти слова подчеркнуты синим карандашом.

Стр. 266, строки 32–36.

Слова: да, друг... кончая: прибавил он улыбаясь – поправка в рукоп. № 4; в рукоп. № 3: Вашъ обманъ, обѣщающій счастье, очевиденъ, но наше ученіе о жизни, хотя и не обманывая такъ грубо, тоже не даетъ того, чего желаетъ душа. Это я испыталъ теперь на супружествѣ.

Стр. 267, строка 1.

После слов: самую жизнь – в рукоп. № 3: То же вы дѣлаете съ защитою себя и своихъ, съ собственностью и съ браками.

Стр. 269, строки 18–20.

Вместо: в женчине... кончая: своего наслаждения – в рукоп. № 3: больше свое наслажденіе отъ сближенія съ женщиной, чѣмъ людей всѣхъ и потому и ту женщину, съ к[оторой] онъ вступаетъ въ бракъ.

Стр. 276, строка 22–25.

Вместо: всего этого мы ведь не приобретаем,... кончая: а мы верим в другое. – в рукоп. № 3: все въ обратномъ направлениі. Но стремимся мы только по вѣрѣ – вѣрѣ той, о к[оторой] я много разъ говорилъ тебѣ, вѣрѣ равняющейся для насъ стремленію къ благу.

Стр. 280, строка 23.

Вместо: жизнь Памфилия с своей, – в рукоп. № 3: свою жизнь съ жизнью П[амфилія].
Слова: свою и: жизнью – по ошибке зачеркнуты Толстым.

Стр. 282, строка 24.

Перед словами: кто внушил их. – в рукоп. № 3: кто писаль книги и съ тѣмъ.

Стр. 284, строки 5–10.

Вместо: Прочти это... кончая: ловушку. – в рукоп. № 3: Да я и не вижу ихъ заблужденій. Я видѣль послѣ тебя одного изъ нихъ и передалъ твои доводы противъ нихъ и онъ отвергъ ихъ. И я нашель его доказательства правильными. Твои доводы состояли въ томъ, что они не исполняютъ того, что исповѣдаются, что они пользуются и той защитой и той собственностью, которая отрицаютъ. На это онъ сказалъ мнѣ, что они считаютъ, что благо человѣка въ смиреніи, кротости и общности имущества и потому стремятся къ достиженію этого. Если же не достигаютъ этого, сказалъ онъ, то какъ стрѣлокъ не достигаетъ того, чтобы попасть въ середину цѣли, онъ не перестаетъ цѣлить въ эту середину для того, чтобы приближаться къ ней. И это справедливо.

– да это было бы справедливо, если бы цѣль была бы цѣль, и стрѣлы попадали бы куда-нибудь, а то цѣль только въ воображеніи. Или, вѣрнѣе сказать, цѣль въ томъ, чтобы распустить лукъ, а не стрѣлять вовсе.

Стр. 286, строки 35–36.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Вместо: пожилой,... кончая: Это был Памфилий – в рукоп. № 3: молодой человѣкъ съ
ребенкомъ 5 лѣтъ, котораго онъ держалъ за руку. ю[лій] вглядѣлся въ лицо
человѣка и узналъ П[амфилія].

Стр. 287, строки 22–24.

Слова: даже просьба... кончая: свою веру – в рукоп. № 3 выражены так: даже просьба
моя только состоять въ томъ, чтобы тѣхъ христіанъ, которые взяты, не судили и не
казнили, а позволили имъ всенародно высказать свою вѣру. В рукоп. № 4 переписано
так, как печатается, без всяких следов исправления; кому принадлежат исправления
и где они сделаны, установить не удалось.

Стр. 289, строка 12.

После слов: без помощи насилия. – в рукоп. № 4 приписано рукою Толстого
карандашом и зачеркнуто: Вам с вашими привычками роскоши трудно себѣ
представить, какъ мало нужно человѣку для того, чтобы существовать безъ лишеній.

Стр. 289, строки 32–34.

Вместо: наше участіе... кончая: перенесении его над собою – в рукоп. № 3:
принимаемъ въ немъ большее участіе, покорно перенося его, чѣмъ тѣ, которые ихъ
налагаютъ.

Стр. 296, стр. 5.

Вместо: предстояла детям (рук. № 3) – в рукоп. № 4 неправильно переписано:
представлялась ея дѣтямъ – и так печаталось в прежних изданиях. Восстановляем по
рукоп. № 3.

Стр. 297, строка 14.

Вместо: детей (в рукоп. № 3) – в рукоп. № 4 (копия): друзей. Исправляем по
автографу.

Стр. 297, строки 23–24.

Вместо: И эти-то условия, в которые люди ставят детей своих, они называют
обеспечением. – в рукоп. № 3: И въ эти то условія поставить дѣтей – называется
обеспечениемъ.

Стр. 297, строка 30.

После слов: языческой жизнью жить – в рукоп. № 3: и въ ней восписывать дѣтей.

Стр. 297, строка 31–32.

После слов: соблазнит единственного из малых сих. – в рукоп. № 3: Нѣтъ, другъ,
заключиль Памфилій, я надѣюсь еще, что ты вернешься къ истинѣ, вернешься съ
женой и съ дѣтьми. Хорошо это было и тогда, въ первой молодости, но теперь это
нужнѣе всего, и для тебя и, главное, для дѣтей твоихъ – Эти слова в рукоп. № 4
вычеркнуты.

Стр. 298, строка 18.

Вместо: император – в рукоп. № 4 (копия): намѣстникъ. Восстанавливаем по
автографу (№ 3).

Комментарии П. В. Булычева⁴

«БЕСЕДА ДОСУЖИХ ЛЮДЕЙ» И «ХОДИТЕ В СВЕТЕ, ПОКА ЕСТЬ СВЕТ».
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ.

Когда Толстой начал писать повесть «Ходите в свете, пока есть свет» и
вступительный рассказ к ней – «Беседу досужих людей» и какие художественные
намерения были у него, когда набрасывал он первые страницы – на это никаких
указаний и намеков в биографических материалах нет. По содержанию оба
произведения относятся к началу 1880-х годов, когда Толстой был особенно увлечен
вопросами об устройстве христианской жизни, об изменении привычной людям его

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru круга «мирской» жизни на началах евангельского учения. После вступления, представляемого «Беседой досужих людей», Толстой влагает в уста одного из действующих лиц нравоучительный рассказ из древне-христианской жизни, который первоначально и начинался словами: «Жил так-то в давнишние времена...», указывающими на непосредственную связь с содержанием «Беседы».

Повесть начиналась в рукописи сразу после «Беседы досужих людей», без пропуска строк и без заглавия и только, повидимому, впоследствии заглавие было вписано между строками.

Но написал Толстой всего несколько страниц, меньше одной главы, – и оставил работу. Потом, вероятно, несколько позднее, судя по почерку, приписал конец повести. Продолжения повести по какой-то причине не последовало до тех пор, пока В. Г. Чертков не напомнил ему о начатом произведении. Он «попросил его пополнить, хотя бы начерно, оставшиеся в повести пробелы для того, чтобы общая идея всего замысла не пропала для читателей».5 Толстой согласился и начал работать над повестью. Это было в конце 1886 г. и начале 1887 года. Толстой писал В. Г. Черткову из имения Олсуфьевых 9 января 1887 г.: «В Москве еще начал вписывать в середину повести об Юлии (знаете). Очень меня заинтересовало и, кажется, что если бы Бог дал кончить, вышла бы очень полезная вещь. Мало очень так называемого художественного, но очень много о противоположности мирской и христианской жизни. И для всякой не совсем одуревшей цензуры – очень удобное для напечатания... Ну, да там что выйдет. Если же выйдет, то выйдет длинно. Немножко и здесь писал и нынче надеюсь».6 О том же писал он еще 7 января и Софье Андреевне: «Я пишу, когда в духе, ту повесть, о которой я говорил тебе».7 Что это давно отложенное и, может быть, забытое Толстым произведение очень заинтересовало его, видно по быстроте, с какою он над ним работал. 15 Января он пишет С. А. Толстой: «Я дописал на черно свою повесть».8 Но кончивши повесть, он остался ею недоволен и хотел поправить, о чем в том же письме говорит: «Бумаги измарал много, но очень пока еще не хорошо, но непременно поправлю и кончу, коли буду жив».

6 февраля он уже сообщает В. Г. Черткову: «Повесть Юлия жена переписывает и нынче кончит. Я прочитаю и тогда увижу, стоит ли она работы, в чем сомневаюсь».9 С. А. Толстая переписывала повесть, как это видно по рукописям, два раза. Первый раз она переписала только начало, которое, по словам В. Г. Черткова, вместе с концом было переписано и им. В этом-то экземпляре, сделав в начале и в конце поправки, Толстой и вписал всю средину. Когда С. А. Толстая переписала начало, Толстой сделал в ее копии большие исправления, которые и вошли в окончательный текст повести. Второй раз С. А. Толстая переписала всю повесть, как это видно по рукописи ГЛМ (№ 5) и по письмам Толстого к Черткову. В. Г. Чертков, получив ее в Москве в конце апреля, после исправлений Толстого, переписал 7-й лист, исправленный автором, и предложил ряд поправок. Далее текст был переписан по поручению В. Г. Черткова неизвестной рукой и дан Толстому для окончательного просмотра и исправления, причем были отмечены синим карандашом места сомнительные, предложенные к исключению или предполагавшиеся к этому самим Толстым. Эта рукопись была Толстым просмотрена, слегка исправлена, и все места, предполагавшиеся к исключению, им сохранены. 13 февраля, он писал В. Г. Черткову: «Христианскую повесть жена переписала, я ее перечел, и она стоит работы – надо поправить, одеть реальными подробностями, что и делаю».10 Но эта работа – поправка – скоро, повидимому, перестала его интересовать, и он прерывает ее. Но Чертков напоминает ему о ней своими вопросами, и 2 апреля Толстой пишет ему: «один из ваших вопросов помню: о повести из первых веков. Всё хочется освободиться и поправить, а так не хочется посыпать».11 25 апреля, повидимому, после новых напоминаний и вопросов Черткова, Толстой уже прямо отвечает: «Повесть «Ходите в свете» переделать не могу. Когда увидимся, переговорим о ней, и вы ее возьмете и выключите; измените, как получше общими силами, и напечатайте. Мысли там добрые, но написано не художественно – холодно».12

Нежелание Толстого переработать повесть побудило «некоторых друзей» его (Черткова и др.) «предложить ему для просмотра список повести, в котором они предположительно наметили желательные вставки».13 Толстой внимательно прочел этот список, но перерабатывать повести не стал. «Вечером, перед отъездом П. И. [Бирюкова], – пишет он Черткову 21 июня – вновь перечел, желая сколько-нибудь поправить повесть о Ю[лии] и П[амфилии], ну и перечел. Всё очень плохо по форме – очень. Поправки ваши, разумеется, все на пользу, а прибавки можно оставить первые, но последняя, несмотря на то, что мне сначала, когда я ее читал отдельно, без связи со всем, мне очень понравилась, по моему, мешает

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru впечатлению. Памфилий должен с грустным лицом молчать на все речи, и это сильнее. А на опровержение есть всегда опровержение и на доказательства – антидоказательства. Ну, да делайте как хотите. Вообще не стоит над этим трудиться».14

Вставки, о которых здесь говорит Толстой, были сделаны потому, что, как объясняет В. Г. Чертков, в то время как рассуждения язычника, будучи изложены весьма пространно и обоснованно, выступали во всей своей яркости и силе, возражения на них с христианской точки зрения были во многом скомканы и даже заключали в себе такие пробелы и недомолвки, которые вызывали по отношению к некоторым вопросам впечатление большей правоты язычника, между тем как чувствовалось, что автор был всецело на стороне христианина».15

Толстой согласился на включение последней вставки в текст повести. Оставил он также и другие вставки.

Недовольство формой произведения удерживало Толстого и от печатания повести. Это нежелание с одной стороны, а с другой – вставки, сделанные другими, дали повод В. Г. Черткову написать уже цитированное примечание к повести в издании сочинений Толстого, вышедшем под редакцией П. И. Бирюкова. Это примечание написано с целью устраниТЬ «возможность всякого недоразумения в связи с характером авторской роли Льва Николаевича в данном случае». По рукописям ясно, что вся повесть, за исключением трех вставок, которые были авторизированы, написана Толстым. Таким образом, никаких сомнений или недоразумений относительно принадлежности Толстому всей повести быть не может.

Если для «Беседы досужих людей» нет надобности искать литературных источников, то для повести «Ходите в свете, пока есть свет» нельзя не предполагать литературного источника. Таких источников у Толстого было конечно много, так как он в это время изучал Библию, отцов церкви, читал поучительные сборники, предназначенные для назидания верующих: «Добротолюбие», «Училище благочестия», «Пролог», «Патерики», где можно найти много рассказов об обращении язычников, о беседах между друзьями, из которых один христианин, другой язычник и т. п.

Несмотря на то, что повесть «Ходите в свете, пока есть свет» ни по содержанию, ни по форме не представляла ничего, что могло бы дать повод цензуре не пропустить ее совсем, она впервые появилась только в 1890 г., и то в английском переводе, в журнале *Fortnightly Review*, октябрь, под заглавием: «Work, while you have light». По-русски повесть была напечатана в первый раз в Женеве у М. Елпидина, под заглавием: „Ходите в свете, пока есть свет“. Повесть из времен древних христиан Графа Л. Н. Толстого". Genève. M. Elpidine; libraire-éditeur, 68. Rue du Rône. 68. 1892. 71 + 1 нен. стр.

В России повесть появилась только в 1893 г. в книге: «Путь–дорога». Научно-литературный сборник в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. Спб. 1893, изд. Сибирякова.

Печаталась в России повесть с цензурными сокращениями: выпущены те места, где говорится о собственности, как причине раздоров и насилий, о государстве, действующем путем насилия, и об отрицании государства. Слово «республика», относящееся по смыслу речей к Римской Республике, цензура везде заменила словом «государство». Только в 1913 г. в изд. «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого» под ред. П. И. Бирюкова, т. XVI, текст повести напечатан полностью.

Печатаем повесть по рукописям автора.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Повесть сохранилась в пяти рукописях. Две из них хранятся во Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина и значатся под шифрами: V. 361 и V. 362, две – принадлежат к Архиву В. Г. Черткова и хранятся в Государственном Толстовском музее (ящ. № 14, папка № 17) и одна в Государственном литературном музее под шифром 2457/4. Хронологически они располагаются так:

1. Рукопись ГТМ. Автограф. 4°, 6 лл. нелинованной писчей бумаги. Без заглавия. Содержит первый набросок «Беседы досужих людей»; начало: «Собрались разъ богатые досужие люди и стали говорить о томъ, что не хорошо они живутъ». На л. 2, строчка 4, после окончания «Беседы досужих людей» заглавие: «Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ» и начало повести: «Жиль такъ-то въ давнишнія времена». Конец:

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru «Идуть по пятамъ за исполненiemъ воли Бога». Это первая редакция начала повести. На л. 5, на нижней половине (верхняя чистая) – окончание повести, со слов: «И испугался Юлій, что онъ сдѣлалъ. Испугался того наказанія»... Конец: «И прожилъ такъ въ радости еще десять лѣтъ и не видалъ, какъ умеръ плотскою смертью». Это первый набросок конца повести.

Писано с большими помарками, дополнениями и исправлениями, в особенности на л. 1. На л. 2 об. на полях, перпендикулярно к тексту, написано и обведено рамкой: «Дворецъ строить Яковъ Кукушка, адвокаты (задатокъ [?]). Ребятамъ тѣсно. Помѣщику съ мужиками тѣсно. Въ деревнѣ работы нѣтъ. Хлѣба мало. Солдатчина замучала. Всѣмъ просторно».

На л. 4 об. внизу вдоль полей приписка карандашом: «– Да приходи къ намъ тогда увидишь. – И... Памф. Скора съ отцемъ. Приходитъ [?] и пошелъ къ Памф. Встрѣча съ разумнымъ человѣкомъ, разговорился. Опять жизнь дома. Циркъ и война [?]. Отвращеніе. Опять пошелъ и опять разговорился. У нихъ фарисейство, обманъ. Опять дома: борьба съ дѣтьми».

2. Рукопись АТБ. Копия предыдущей рукописи рукою С. А. Толстой. 4°, 6 лл. нелинованной писчей бумаги; с большими поправками и дополнениями рукою Толстого. Содержит: а) «Беседу досужих людей» – без заглавия. Начало: «Собрались разъ въ богатомъ домѣ гости»... б) Отрывок повести «Ходите в свете, пока есть свет». Начало: «Было это въ царствованіе Римскаго императора Траяна»... Конец: «усталъ я очень и не хотѣлось итти къ брату просить». Это первая переделка «Беседы досужих людей» и начала «Ходите в свете, пока есть свет».

На л. 1. в левом углу сверху Толстым приписано: «Поцѣлуй божеству – проходя. Мясо идоложертвенное. Поклониться богамъ и Траяну. – Не Р[имскій] гражданинъ – казнить».

3. Рукопись АТБ. Копия рукою В. Г. Черткова с поправками и дополнениями Толстого и автограф. В большой лист линованной почтовой бумаги (лл. 1–9, 12, 45 и 46) и 4° нелинованной писчей бумаги (лл. 10, 11, 13–44). лл. 1–7 и начало 8 – копия с рукописи ГТМ с поправками Толстого, содержит: 1) «Беседу досужих людей» в первой редакции; начало: «Собрались разъ богатые досужие люди и стали говорить»... (поправок Толстого здесь нет). 2) «Ходите в свете, пока есть свет», тоже в первой редакции. Начало: «Жиль такъ то въ давнишнія времена»... Конец: «радости и благо, какъ колесо за оглоблями, идетъ по пятамъ за исполненiemъ воли Бога» – с большими поправками Толстого. Дальше, начиная словами: «Такъ говорилъ Памфилій. Кончая (на л. 44): ... лозы годны только на топливо» – автограф. Дальше (лл. 45 и 46) – копия конца повести с рукописи ГТМ, с поправками Толстого.

На л. 12 об. внизу приписка рукою Толстого: «Они избрали учителя, и онъ какъ человѣкъ заблуждается. Мудрость же не ошибается, она свободна. Дѣлай все человѣческое за Богомъ [1 не разобр.], Хр. и св.».

В этой рукописи главы еще не помечены цифрами, а только обозначены чертами между строчками.

4. Рукопись ГТМ. Копия неизвестной рукою с поправками Толстого. Линованная тетрадь, 74 лл.

Л. 1. Заглавие: «Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ. Бесѣды язычника и христіанина. (Повѣсть изъ временъ древнихъ христіанъ)».

Л. 2. Заглавие: «Вступленіе». Дальше – текст «Беседы досужих людей», в окончательной редакции, без поправок Толстого.

Л. 7. «Ходите в свете, пока есть свет» в окончательной редакции, с поправками Толстого. Начало: «Было это въ царствованіе римскаго императора Траяна»... Полный текст повести с поправками и дополнениями Толстого поверх зачеркнутых строк копии. Некоторые места перечеркнуты карандашом крест на крест; некоторые подчеркнуты синим карандашом, против других на полях проведены черты тоже синим карандашом и вдоль этих черт есть отметки Толстого.

На л. 36 против слов: «Ты тоже очень ошибаешься, если думаешь»... кончая (л. 37 об.): «Посвящая всю свою жизнь на исполнение воли Божьей мы тем более употребляем на это же служение и высшие наши способности» – написано карандашом

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
рукой Толстого: «Не нужно», но потом зачеркнуто.

На л. 38 против слов: «Напрасно ты думаешь, что не признавая наших защит»... кончая словами (л. 39 об.): «не признаем насилия и собственности и вместе с тем пользуясь ими» – рукой Толстого сначала написано черным карандашом, потом зачеркнуто: «тоже не нужно»; сверху чернилами написано им же: «можно оставить».

На л. 56 против слов: «В твоих словах, – сказал Памфилий, – было бы много справедливого»... кончая (л. 65 об.): «дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, хотя и не знаешь, откуда приходит и куда уходит» – рукой Толстого карандашом написано: «не нужно», но зачеркнуто и сверху написано чернилами: «можно и оставить».

На л. 57 против перечеркнутых слов: «Мы живем в государстве»... кончая: «Мы не думаем ни о разрушении государства, ни о ниспроверженииластей» – написано карандашом: «длинно», – но зачеркнуто.

На л. 57 об. – 65 об. слова: «Но наше участие в насилии состоит не в приложении его», кончая: «хотя и не знаешь, откуда приходит и куда уходит» – перечеркнуты вертикально карандашом, потом на всех страницах чужую рукой написано: «всё надо».

Многие места, и отчеркнутые на полях и подчеркнутые синим карандашом, помечены числами, тоже синим карандашом, рукой не Толстого. Первая пометка, цифрой 1, сделана на л. 4 об., последняя – 59, на л. 72. Некоторые места, имеющиеся в автографе, здесь вычеркнуты и в печатный текст не вошли.

5. Рукопись ГЛМ. Копия рукой С. А. Толстой, с начала до конца, состоящая из 68 листов. На обложке два заглавия, написанные карандашом рукой В. Г. Черткова: «Ходите в свете пока есть свет». «Беседа язычника с христианином». Далее его же рукой заглавие «Вступление». На первых трех листах, с пагинацией римскими цифрами, переписана «Беседа досужих людей», на остальных, с арабской пагинацией (3–66), – «Ходите в свете пока есть свет». Исправления рукой Толстого мелкого стилистического характера, путем зачеркивания и надписывания, на листах: 4, 12 (об.), 23, 24, 26, 30 (об.), 31, 39, 40, 41, 53, 54, 55 (об.), 56, 57, 59, 60, 60 (об.), 61, 61 (об.). На 7 же листе значительная вставка с надписью красным карандашом: «переписано». Кроме того ряд мелких карандашных поправок рукой В. Г. Черткова, повидимому авторизированных Толстым.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТOMУ ТОМУ.

В состав настоящего тома входят художественные произведения, над которыми Толстой работал в период времени с 1884 по 1889 год. Одно из них, именно «Холстомер», законченное в 1885 году, было, впрочем, начато еще в 1863 году. Пять печатающихся здесь произведений Толстого представляют собой неотделанные и незаконченные им наброски, из которых четыре (драматическая обработка легенды об Агге, «Жил в селе человек – звать его Николай»; «Миташа» и статья «Благо только для всех») были опубликованы после смерти Толстого, отрывок же «В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь» публикуется впервые в настоящем издании. Помимо неопубликованных доселе вариантов отдельных эпизодов входящих в данный том произведений, здесь печатается целиком самая ранняя черновая редакция «Смерти Ивана Ильича». Сообщаются впервые также исправления, сделанные Толстым в печатном экземпляре «Власти тьмы».

Из статей, вошедших в данный том, впервые появляются в печати: «Благо только для всех», «О Гоголе», «К молодым людям» и ряд вариантов трактата «О жизни». Ряд значительных вариантов дается к статье «Николай Палкин».

Работу по составлению алфавитного указателя произвел В. С. Мишин.

П. В. Булычев

Л. П. Гроссман

Н. К. Гудзий

А. И. Никифоров

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Б. М. Эйхенбаум

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТому ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех тех случаях, где они употребляются Толстым, и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (брычка, цаловать).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые, а также и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «абревиатуры») типа «кий», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание ошибкой.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломанных <> скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломанных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и
вопросительные, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного
употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с
общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они
отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире,
двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит
у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без
оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске:
«Абзац редактора».

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и
печатаемые в сносях (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в
прямых [] скобках.

Пометы: в оглавлении томов, на шмидтитулах и в тексте, как при названиях
произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые,
** – что напечатано после смерти Толстого, – что не вошло ни в одно из собраний
сочинений Толстого и что печаталось со значительными сокращениями и искажениями
текста.

Иллюстрации

Фототипия портрета Толстого раб. И. Е. Репина – между XII и 1-й страницами.

1
философ – ученый, мудрец. философия – наука о высшей мудрости

2
диана – одна из многих языческих богинь.

3
Софисты – лжемудрецы, ловкими доказательствами выдающие ложь за истину.

4
В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва);

АЧ – Архив В. Г. Чертыкова (Москва);

Б, I; Б, II; Б, III; Б, IV – П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография»,
Государственное издательство: I – М. 1923; II – М. 1923; III – М. 1922; IV – М.
1923;

БИР. 1913 – «Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого» тт. I – XX. Под
ред. и с примеч. П. И. Бирюкова, изд. Сытина. М. 1913;

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина (Москва);

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва);

ГТМ – Государственный толстовский музей (Москва);

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград);

ЛПБ – Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
(Ленинград);

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1862–1910» изд. 2 м. 1915;

ПС – «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым» изд. Общества толстовского музея. СПБ 1914;

ПТ – «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». изд. Общества толстовского музея. СПБ 1911;

ПТС 1; ПТС 2 «Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко» изд. «Книга» 1 – м. 1910, 2 – м. 1911;

ПТСО – «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко, под ред. А. Е. Грузинского», изд. «ОКТО». М. 1912;

ТЕ, 1911, 1912, 1913 – «Толстовский ежегодник» 1911 г., 1912 г., 1913 г.;

ТТ 1; ТТ 2; ТТ 3; ТТ 4 – «Толстой и о Толстом. Новые материалы». Сборники: 1 – м. 1924, 2 – м. 1926, 3 – м. 1927, 4 – м. 1928.

–

5

Примечание В. Г. Черткова в «Сочинениях Л. Н. Толстого» под ред. П. И. Бирюкова, т. XVI, изд. «Русского слова», М. 1913, стр. 244.

6

ТЕ, 1913, стр. 42.

7

ПЖ, стр. 301.

8

Там же, стр. 303.

9

ТЕ, 1913, стр. 46.

10

Там же, стр. 47.

11

Там же, стр. 50.

12

Там же, стр. 52.

13

«Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого», под ред. П. И. Бирюкова, т. XVI, изд. «Русского слова», стр. 245.

14

ТЕ, 1913, стр. 55.

15 «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого», под редакцией П. И. Бирюкова, т. XVI, изд. «Русского слова», стр. 245.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Ходите в свете, пока есть свет. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!